Александр
Гвозденко
ВСТРЕЧИ

Александр Гвозденко

ВСТРЕЧИ

Рассказы

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР МВГ

Оренбург
2021

УДК 82-1
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.4
Г 25

Эта книга издана при финансовой поддержке
Министерства культуры Российской Федерации
и техническом содействии Союза российских писателей

Оренбургским региональным отделением
Союза российских писателей

Александр Гвозденко. Встречи. Рассказы. — Оренбург: Издательский центр МВГ, 2021. — 96 с.

ISBN 978-5-9075020-8-6

© Александр Гвозденко, повесть, 2021 г.
© Издательский центр МВГ, 2021 г.

Просто дорога

1.

Он лежал в купе на вагонной полке и смотрел в окно. В голове крутилась мысль: «Зачем я пошел на поводу у товарища и еду с ним неизвестно куда?». Раньше об этом говорили так: пошел за тридцать три версты лаптем щи хлебать, то ли ум, то ли глупость свою подтверждать.

За окном после полей потянулись леса. Почему-то на ум пришла сказка «Аленький цветочек». Хорошая сказка. Не одно поколение ее читало и запомнило, да мало кто знал, что же это за цветочек такой аленький. Он знал. Матушка ему в детстве рассказывала. Ей же рассказывала ее бабушка.

Рос в затаенных лесных уголках восхитительно прекрасный цветок с мелкими огнедышащими лепестками. Называли его стожар. Бывало, заходил в лес окаянный человек и начинал озоровать, вредить, обижать лес и его обитателей, понимая, что остановить его никто не может. Порой так разойдется, что ни души, ни совести. Терпелив, вынослив, покорен лес-батюшка. Только вцепится в одежду вредителя маленьким огнедышащим своим цветочком стожаром, да цветок и уйдет с нежданным гостем. А ночью загорится изба обидчика, да так, что потушить невозможно. За это цветок и прозвали по справедливости стожаром, огненосцем, а народ — цветочком аленьким.

Только непонятно, зачем красной девице цветочек аленький понадобился. Может, кого подпалить решила? А оно вон как всё обернулось...

Войдя в купе, Василий поглядел на Игоря:

— Вставай, я в ресторане столик заказал.

Соседи по купе радостно воскликнули:

— Если вы не возражаете, мы с вами!

— Мы не возражаем, — ответил Василий.

Игорь, слезая с полки, сказал:

— Мешай дело с бездельем, проводи время с весельем. Пойдем, откушаем. Без еды и отдых не сладок.

Ресторанная кухня похвастаться изысканностью не могла или не хотела, рассчитывая на неприхотливость пассажиров. Зато водка была отменная, а после третьей рюмки вкусовые рецепторы притупились и больше не отзывались. Как и положено, через какое-то время пошли разговоры. Как это — выпить и не поговорить? Обычно сначала затрагивают отвлеченные темы, затем, как положено, философские. Третья стадия пития касается женщин. А как без них обойтись? Ответ один — никак. Четвертая стадия затрагивала работу. Четвертую стадию Игорь не любил. Жизнь приучила в этот период, в каком бы состоянии, где бы и каким бы он ни был, держать язык за зубами. Прикусить и молчать. В это время молчание действительно приравнивалось к золоту. Сосед Коля, кинув на него взгляд, сказал:

— Смотрю на тебя и думаю: при радости человек сосредоточен редко. Ты сосредоточен всю дорогу, и это бросается в глаза. Иногда притворяться глупым очень выгодно, особенно женщинам. Их глупость несет порою какое-то очарование, иногда неповторимую изысканность. Твоя — раздражительность. Время может быть заполнено одиночеством. В одиночестве появляется только твое душевное время, и тогда ты можешь жить в нем, как хочешь. Сейчас ты с нами. Наша жизнь может обласкать душу святой глубиной лучше, чем слово. Только слово может не только помочь, но и спасти душу. Не отворачивайся от нас. Поговори с нами.

— Извините. Я был не прав, — сказал Игорь. — Традиция стола и компании требует разговоров так же, как хрустальная ту-

фелька — своей Золушки. Как папа Карло — своего Буратино. Как Красная Шапочка — волка. Иначе из души исчезнет потребность жизненной сказки. Наливай! Выпьем за то, что и мы влипали в разные жизненные сказки, и выпутывались из них, как могли. Хотя у некоторых до сих пор остались души сказочников. Дай нам бог не попадать под их влияние.

Потом они говорили о жизни, понимая: как ни крути, а жизнь сквозь слезы, или с горькой усмешкой, или с осуждающим взглядом, иногда радостно, иногда грустно, порою не очень приветливо, но все же им улыбалась. В этой улыбке была любовь к ним. Иначе они бы не сидели за этим столом и не пили водку.

Василий неожиданно сказал:

— Послушайте, как стучат колеса поезда. Будто играют танго. Танго забытой мечты. Танго прошедшего дня. Танго идущей ночи. Танго любви и огня.

Игорь, посмотрев на него, удивленно подумал, что им сейчас только мелодии танго не хватает.

А Василий продолжал:

— Как бы вы поступили, встретив свою бывшую любовь за столиком в ресторане?

Игорь понял: пошел разговор о женщинах. Гусары пьют за женщин только стоя. Так водки вливается больше. Душа шире раскрывается. Третья точка опоры не чувствует, зато ноги показывают, сколько ты можешь продержаться, занимаясь вставанием-приседанием. Да, пришло время зарядки, надо все утрамбовать. Спешить действительно некуда.

Вася сказал:

— За женщин неповторимых. Стоя.

Игорь про себя подумал: «Вась, а Вась, я снеслась». Встал, как все. Как все выпил. Василий продолжил:

— Я тоже не знал, пока не встретил. Мы с ней не виделись лет двадцать. Она сидела за столиком с мужем и дочерью. Дочь была похожа на нее в молодости, и не только внешне, но и взглядом. Я послал им букет роз и шампанское. Затем подошел к их столику и пригласил — нет, не ее, а их дочь на танго. С разрешения родителей. Вы понимаете растерянность, непонимание

матери? Удивление, смущение дочери. Стеклянный взгляд мужа. Перед этим я попросил музыкантов сыграть спокойное, нежное, но страстное танго. Играть этот танец до тех пор, пока я не выпущу девочку из объятий. Шестнадцатилетняя девочка, смущаясь и чувствуя неловкость, пошла со мной танцевать. Она не умела танцевать танго, но зато очень чувствовала меня и мое тело. Я был поражен. Было ощущение, что она меня понимает, и понимание это передается ей от матери. Это было полное подчинение и трогательная доверчивость. Это было чувство первого поцелуя, раскрытие утреннего цветка, ласковое касание первого луча солнца, волшебная радость росы на лепестках розы. Я уже забыл, что такое счастье в танце, и вдруг эта девочка влила в меня свою детскую нежность, доверчивость, незащищенность и внутреннюю просьбу сделать ее волшебницей. Наверное, когда Бог оделял женщину волшебством, думал о том, как прекрасна она будет в танце. Я понял, что это Его любовь, касаясь ее платья и тела, приятно согревала душу, еще живущую в сказках. Я вел эту девочку в такт музыке как можно бережнее и как можно красивее. Музыкантам надо отдать должное. Они уловили смысл происходящего. Они играли танго «Счастье мое». Певец выводил:

«Какие тайные печали
Пробудит это танго вновь?
И затаенные желанья,
И ту ушедшую любовь?
Сплетает танго осторожно
Когда-то порванную нить.
Но нам уже вновь невозможно,
Любовь опять соединить».

Мама знала, что я танцевал с ее прекрасной молодостью и прошлой нашей любовью. Слезы наполнили ее глаза. Когда муж сказал: «Я ничего не понимаю», она ответила:

— А что здесь непонятного? Наша дочь выросла и уже учится понимать не только танец, но и мужчин.

— Кто этот мужчина?

— Тот, кто пригласил ее на танец, и никто более. С ней в танце он себя ведет пристойно и красиво.

После танца я, поблагодарив молодую леди, вручил ей букет роз и вышел из ресторана. Так, не сказав друг другу ни слова, мы обменялись благодарными чувствами с женщиной, которую я любил. Ее нежность ко мне могла выражаться взглядом, движением рук, поцелуем, в словах, близостью тела. Это было то, что давало понять, зачем Бог создал женщину. Она дарила красоту встреч. Красота дарила радость. Радость дарила счастье. Эта женщина создавала внутреннее танго. Она так любила этот танец! Он не был виден чужому взгляду. Его ощущали наши души. Все это давало нам страсть и любовь, любовь и страсть. В любви наши души соединялись с нашими телами, раскрывая друг друга, понимая и доверяя. Это было время волшебной близости, душевного единения и торжества ума...

Встав, выпили за женщин, умеющих нас любить. Игорь вдруг сказал:

— «Самый умный мужчина становится глупцом, когда он любит; самая пустая девушка, полюбив, становится умною». Сафир. «Твердость женщины, борющейся со своей любовью,— самое великолепное из всего, что только существует на свете». Стендаль.

Вроде сказал к месту, а подумать, так нет. Он знал про любовь Василия. Во время этой любви Василий был направлен в «горячую точку». Был ранен. Долго лежал в госпитале. Служил после госпиталя в далеком гарнизоне. Девушке не писал, не звонил, а когда захотел увидеть, она была уже замужем. Потом произошла эта встреча, через двадцать лет.

Соседи по купе пошли курить. За столиком Игорь с Василием остались вдвоем. За окном поезда летел березовый лес. Глядя за окно, Василий сказал:

— Красиво. Очень красиво. Не зря береза считается символом России, любви, весны. Не зря считают ее деревом благословенным, ибо когда-то укрыла она Богородицу и Христа от непогоды. Поэтому и считалось, что отпугивает она зло, дает счастье и бла-

гополучие новорожденному. Люблю березовый сок. Да и в бане не раз слышал: похлещешь себя веничком березовым, хандра уйдет, здоровье придет. У нас в деревне старики, глядя на березу, говорили: «В ней четыре угодья. Первое — больным на здоровье. При недугах помогают листья, почки, кора. Второе — людям колодец. Это они про сок березовый. Опять же из березы срубы для колодцев делали. Третье — от зимы свет. Лучины щепили, печи топили. Летом прохладу под ее ветвями находили. Сама она всегда выглядит так, будто в себе белизну снега оставила. Четвертое — пеленанье...» Умели наши предки природу любить, не то что мы... Вообще, хватит умничать. Наши соседи идут.

2.

Соседи сели за стол. Спрашивается, а чего не сесть, когда водка выдыхается, горячее остывает, вагон покачивается, и никто тебя, кроме себя самого, не беспокоит? Выпили за возвращение за стол, чтобы хорошо пилось, елось и не тряслось. Алексей, обращаясь к Василию, сказал:

— Ты меня поймешь. Вот именно ты меня поймешь. Он,— Алексей кивнул на своего соседа Николая,— не понимал и понимать меня не хочет. Он не понимает, как женщина может стать бродяжкой твоей души. Независимо от твоего желания бродить по ней. Заходить в ее закоулки. Проходить в твою память. Вынимать из нее что-то твое сокровенное по отношению к ней и бессовестно использовать в свою пользу.

Николай перебил:

— По-моему, это из серии «никто так не замучает тебя, как ты сам». Ты допустил сам, чтобы она стала голограммой в твоей голове.

Алексей продолжал:

— Изысканная леди — эти слова скажешь не каждой женщине. Ты не понимаешь, как эта женщина создает прекрасную ауру вокруг тебя. Ты втягиваешься в это волшебство и попадаешь в круговорот событий. Ты понимаешь, что вызывающие сновидения чувства бывают у пажей и шутов, но не у королей. Ибо пажи и шуты мечтают, а короли обладают. Я был ее королем,

а должность короля обязывает ко многому. Понимаешь, иногда секундный взгляд может дать такое сумасшедшее впечатление, что просто сносит голову. Он порою куда желанней взгляда, который чарующе смотрит на тебя целый день. Вы знаете, как может уходить женщина, не задавая вопросов? Нет, не продажная, не случайная. Та, которая знает, на что она способна, чего она стоит. Вы не понимаете и не видели гордость этого ухода. Величие этой сдержанности. Грациозность молчания. Великолепие движений. Как это, по крайней мере для меня, много значило. Уход может вызвать сожаление, горечь, смех, обиду. Этот уход вызывал восхищение. Восхищение уходом женщины, не унизившей ни тебя, ни себя. Не обременив. Не презрев. Уйти, заставив тебя понять, что земля завертелась за ней, а Вселенная просто от тебя отодвинулась. Своим уходом она дает почувствовать пустоту под ногами и в сердце, нехватку воздуха в легких. Ты начинаешь понимать: жить — это значит уметь любить. Этот мир может без тебя обойтись, а ты без него — нет. Что ты предал, а за предательство надо платить. Низость поступка всегда вызывает презрение. Ты начинаешь понимать, что тогда вас коснулась молния счастья, а сейчас между вами ледовое поле. Ты начинаешь понимать, что женщина может убрать твои годы, а может, наоборот, скоротечно их прибавить. Пыль у твоих ног всегда говорила и говорит, кем ты станешь. Только тебе самому решать, найдут ли в ней золото или нет. Ловить на слове — значит, показывать твое внимание к разговору, умение мыслить во время разговора, делать выводы. Когда мы заставляем наших женщин делать это? Мы не видим силуэт ветра, но чувствуем его порывы. Мы не видим силуэт любви, но ощущаем ее в себе. От глупости хочется избавиться, но ее просто так не выкинешь. Нужны знания. Как я хотел, чтобы эта женщина стала моей собственностью! Вы думаете, женщина — собственность мужчины? Нет, это вымысел и глупость. Женщина с мужчинами может проделывать много разных фокусов. Главное, как всегда,— убеждение. Она, если умна, доводит все до совершенства. Бессовестно пользуясь мужчинами. Легко и свободно показывая то, чего нет на самом деле. При этом помня: ненависть порож-

дает ненависть. Всегда ли любовь порождает ответную любовь? Через какое-то время я осознал и спросил самого себя: «Что ты хочешь? Чтобы о тебе беспокоились? Чтобы о тебе заботились? Помогали преодолевать неприятности? А что ты сам давал и даешь?» Мудрость появляется не только от ума, но и от тех ситуаций, в которые ты попадаешь, и от богатства твоей души. Главное — не паршивиться. Эта женщина заставила меня обратить взор внутрь своего сердца.

Выпили за женщину Алексея стоя. Николай, разлив водку по рюмкам, произнес:

— Леша с детства был натурой впечатлительной, и это к добру никогда не приводило. Он увидел женщину своим взглядом. Увидел в ней то, чего я никогда не увижу. И не захочу увидеть. Для меня женщина есть женщина. Баба есть баба. Фокусы не она мне должна показывать, а я ей. Иначе в отношениях с ней я не вижу азарта, увлечения и ее тяги ко мне. Ты должен по отношению к ней быть на голову выше. Даже чтобы поцеловать, она должна вставать на цыпочки, а не ты перед ней склоняться. Ты должен ей своим присутствием перекрывать кислород. Если ты взялся ее приручать, должен помнить о том, что нерешительных, неуверенных мужчин вожаками не выбирают. Кошки гуляют сами по себе, только когда они не нужны хозяину. За тобой всю жизнь будут наблюдать и принимать свои решения. От тебя должна зависеть правильность этих решений. Остальное — полоскание чувств в твоем мозгу. От этого и ты устаешь, и других в заблуждение вводишь. Давайте выпьем за мужчин.

Выпили не вставая. Игорь молчал. Он видел: они ждали, что скажет он. А он ничего не хотел говорить. Что он мог сказать? Что не любит в женщинах повторений? Так у его женщин их не было. Женщины были разные. Разное было отношение. Разное было образование, в том числе житейское. Разные были тела. Разные были характеры. Разное было мышление. Это было его личное, а личное он не привык вытаскивать напоказ, даже когда был пьян. Он считал, рассказывать о своих женщинах кому-то — значит, почти раздевать их перед кем-то. У каждой из его женщин была своя вселенная. Свое пространство, которое пони-

мала только она. Они все были звездами своей вселенной. Но разве не обманывают нас звезды падая? Разве не сгорают они в своем, понятном только им пространстве?

Его спросили:

— Игорь, что ты молчишь?

Он ответил:

— Больше всего я любил не женщин, а соловьиное пение. Никогда об этом не пожалел и не ошибся. Всегда слушал и грел свою душу их пением. И хотя наступил мне медведь лапой, специально или по ошибке, на ухо, это не мешало мне восхищаться соловьиным пением. У чародейства есть свойство завораживать. У таланта — восхищать. Если они совмещаются, получается божественное ремесло. Вот я и баловал себя их чарующим, божественным ремеслом. Женщины, даже по вашим рассказам, такого не дают. Я не люблю огорчения. Вот если заводит соловей свою чарующую песню и пел ее всю ночь, следующий день обещает быть теплым и солнечным. Обычный соловей — птичка невзрачная, напоминает воробья. Грудка у соловья белее, чем у воробья. Еще спинка и хвост немного оливково-бурого цвета. Пока не появятся из яиц соловьята, поет соловей волшебно, виртуозно — и выдает такие трели! Первые недели мая его концерт звучит круглые сутки, прерываясь лишь в полдень. Потом свое пение он переносит на ночь. Поет самозабвенно, меняя нежные тихие звуки на песни громкие, радостные заменяет печальными. Учатся соловьи друг у друга. Чем не люди? Когда собираются несколько одаренных виртуозов вокала, да еще таких, что могут выдать до сорока колен, душа просто замирает в восхищении.

Алексей с Николаем переглянулись. Алексей спросил:

— Значит, пение с музыкой любишь? Что же, этот концерт мы посвящаем тебе.

Николай взял вилку и нож, перевернул тарелку, умело на ней отбил ритм. Алексей, прокашлявшись и извинившись, используя связки горла, изобразил духовой инструмент. И неожиданно полилась мелодия Сиднея Беше «Маленький цветок». Это было действительно неожиданно прекрасно, а может быть, оттого и прекрасно, что неожиданно. Когда они закончили,

им аплодировали не только Игорь и Василий, но и другие люди. Игорь сказал:

— Здорово, очень здорово и красиво.

Затем они так же виртуозно сыграли «Танго роз». К их столику подошел мужчина, поздоровался и сказал:

— Я оплачиваю весь ваш заказ. Вы сыграйте еще что-нибудь для души.

Мужчина повернулся и ушел.

— Что это было? — спросил Николай.

— Не надо,— ответил Алексей.— Тем более что наш заказ оплачен. Публика ждет, так смелей, акробат! Может быть, здесь и сейчас у нас тот самый звездный час. Вы тоже подключайтесь,— кивнул он Игорю и Василию.

Они заиграли «Полонез» Огинского. Это было опять талантливо и красиво.

Пока они играли, Вася что-то писал. Игорь знал, что Василий обладал приятным голосом, очень похожим на голос Петра Лещенко. Вася в детстве окончил музыкальную школу по классу аккордеона и вокала. Как ни странно, он стеснялся своего голоса и не любил вспоминать свое музыкальное прошлое. Может, это было вызвано тем, что воспитывался он в интернате. Только в очень узком кругу он себе позволял и себя побаловать, и других потешить. Игорь гадал: удержится Василий или под воздействием выпитого и этих парней все же сорвется на сентиментальность? Вася протянул ему салфетку. Игорь раскрыл ее — это был репертуар Петра Лещенко. Вася, посмотрев на Игоря, сказал:

— По порядку.

По порядку значилось: «Рюмка водки», «Чубчик», «Ах эти черные глаза», «Ты едешь пьяная», «Татьяна», «Мое последнее танго»...

Василий, встав, попросил подыграть. И начал исполнять репертуар Петра Лещенко. Именно здесь и сейчас его талант и его мастерство решили вдруг объединиться и всю энергию, которую терпеливо хранили в себе все эти годы, выплеснуть с душевной болью наружу. Даже Игорь, имея музыкальное образование

консерватории имени Медвежьей лапы, начинал понимать, что это было безумно талантливо, восхитительно и прекрасно. Уже было не важно, что они напились, что им перевалило за 60, что кругом были незнакомые люди. Какая-то непонятная душевная сила своей чародейской энергией наполнила их всех, объединила в одном порыве и дала любовь. Музыка, голос, душевная энергия превратились в водопад чувств.

Потом... Потом Василий пел Высоцкого, да как пел! Он снова, как когда-то, стоял на краю, не зная, завтра будет ли жить, вернется калекой, или смерть его помилует. Не зная, когда и кто из них, его сослуживцев, сможет обнять своих близких. Те ребята навсегда останутся его душевной татуировкой. Он пел своим голосом, но так, что каждый чувствовал мурашки на своем теле.

Они уговорили Игоря спеть еще. Естественно, обещая поддержку и прикрытие. Игорь повелся на авантюру. Он запел «Девушку из Нагасаки». Это был успех. Когда пел «Таганку», уже многие подпевали. Ему самому казалось, что рядом с ним с одной стороны стоит Петр Лещенко, а с другой — Владимир Высоцкий, и поддерживают его не только голосами, но и энергетикой. Друзья, помогая ему, чуть не вылезали из кожи. Наконец он спел «Ты прости меня, мама». Потом сел, поняв, что продолжать не стоит. Ибо, как ни терпелив слушатель, каждому терпению приходит конец. Он прекрасно понимал, что самовозвеличивание — это не талант и не профессионализм. Слава и признание порой так далеки друг от друга.

К нему подошла девушка со словами благодарности. Первая его поклонница. На лице у нее была красота чувства. Это делало лицо одухотворенным, притягательным и даже красивым. Он вдруг понял, что это ее душа светится изнутри. Вот для чего нужно искусство. К сожалению, он им не владел.

3.

Они шли по лесу уже три часа. Лес любит тишину. Лес не любит невнимательности. Поэтому они шли не разговаривая. Каждый думал о своем. Игорь размышлял о том, зачем оказался здесь. Он не хотел ехать. Вася сказал красиво и просто: «Без тебя

у меня нет связки. Это значит, что я не дойду, куда хочу дойти». Когда-то в молодости, поднимаясь на вершину, они были в одной связке. С тех пор прошло много лет. Если через столько лет именно тебя приглашают в связку, значит, на тебя очень сильно надеются и ты действительно нужен. Главное, чтобы здоровье и силы не подвели, а остальное осилим. Барсы знают цену и высоту жизни.

Шли они в селение, где жили родители Василия. Это был последний его поход в родные края. Возраст уже не тот, просто так туда не доберешься. А побывать еще раз в местах, где родился, душа просила. Да и кого в таком-то возрасте не просит? Могилки найти, поправить, если надо, что-то заменить. С родителями поздороваться, поговорить, прощения попросить. Святое дело. Дай бог, чтобы наши дети к нам приходили, чтобы не оставляли нас в забвении. Небеса небесами, а тела наши в земле остаются. Именно там руки лежат, которые нас обнимали. Губы, которые целовали. Лики, которые выражали и любовь, и гнев, и радость для нас и за нас. Там их физическая красота осталась с их косточками. Поклон им всегда передавать нужно. У нас спина не отломится, а их косточкам всё теплее будет. Который не забывает своих родителей, не забытый своими детьми будет. Так говорили раньше. Дай бог, чтобы было это и впредь.

Спустя часа полтора Игорь спросил:

— Вася, тебе не кажется, что топь пошла?

— Не кажется. Самое интересное, что ее здесь не должно быть. Видно, что-то закупорило речушку, она и стала другое русло искать.

— Как это место называется?

— Зад.

— Хорошее название. Главное — своевременное. Так сказать, шли, шли — и пришли в Зад. И нечего орать, все равно бессмысленно.

— Ты удивлен?

— Нет. После того, как я узнал, что в Оренбургской области есть речка Блява, перестал удивляться. Как раз тут оно сейчас очень подходит.

Вася предложил немного отдохнуть, перекусить, вернуться на три километра назад и пойти другой дорогой. Через другое село — с поэтическим названием Надежда. Через полчаса они отправились к Надежде. Именно в ней они очень нуждались.

Через некоторое время они вышли на дорогу, где их подобрал «уазик». На нем ехал участковый полиции. Он узнал Василия. Напомнил о себе: звать его Петр, рассказал, кто он, чьих кровей будет и кому по округе родня. Поехали. Василий разговаривал с Петром о жизни района. В конце концов, Петя попросил о помощи в расследовании одного дела, и Вася согласился. Игорь пришел в ярость, но себя сдержал.

К вечеру подъехали к селу. Остановились у приличного дома, где собирались остаться на ночлег. Петр, поговорив с хозяйкой, пригласил Игоря с Василием в дом. Уходя, сказал, что сейчас надо покушать, а потом будет баня. Вечером он подойдет, тогда и обсудят остальное.

Игорь перестал разговаривать с Василием, показывая все своим видом, что игнорирует его. Как Василий ни пытался заюморить ситуацию, Игорь молчал. Наконец Василий выдохнул:

— Ладно, был не прав, что с тобой не посоветовался. Ваше благородие, извиняйте. Больше такого не повторится. Нам разногласия в одной связке не нужны. Не обижайся.

— Как я могу обижаться на человека, который совсем недавно вышел из Зада, перед этим затащив меня туда? — пожал плечами Игорь.

— Не могу я пройти мимо несправедливости. Это же творится здесь, у меня на родине. Ты слышал, что Петя-участковый рассказывал? Людей убивают, люди пропадают. Я что — приехал, посмотрел и уехал? А как же совесть? Здесь остались в основном старики беззащитные. Что же теперь — с них кожу сдирать можно? Сколько нам с тобой осталось? Пять, десять, пятнадцать лет? Или мы с тобой так дорожим своей грядущей больной старостью, что надо пойти на подлость? В Библии сказано: « Можешь помочь, помоги». Мы с тобой можем пока еще.

— Ладно. Чего ты разошелся? Поможем. Перед тем, как ты пришел меня уговаривать на этот марш-бросок, шел я вечером

по улице, и подходят ко мне три молодых парня, такие радостные, счастливые и говорят: «Выпейте за молодоженов. За их любовь и счастье!». Я им: «Спасибо. Молодоженам любви, счастья, здоровья. Только почему я их не вижу?». Те объясняют: «Так молодожены в столовой отмечают. А мы здесь празднуем. Уважь, выпей». Я отказываюсь Они мне: «Не по-русски это — отказываться. Не по-человечески, не по-христиански. Пригуби». Чувствую, не отвяжутся. Пригубил за счастье и здоровье молодых. Они продолжают: «Видишь, какой ты молодец. За молодых выпил. Теперь не стыдясь, не жадничая, положи денежку им на подарок. Неудобно будет, если мы тебя обыскивать начнем». Я не вытерпел и напомнил ребятам школьный урок физики — что такое сила. Сила есть масса, умноженная на ускорение. Во мне сто пятнадцать килограммов. Я ускорился и сразу с двух рук двоих положил. Как я понял, у третьего дыхание перехватило от того, что это счастье познания досталось не ему. Он стоял, как отпетый двоечник, низко опустив голову. Я пошел домой, а на душе нехорошо, противно. Так сказать, прямая иллюстрация поговорки «встретили по одежке, проводили по уму». Нервные клетки не восстанавливаются, а жировые не пропадают. И сейчас ты в годы Гражданской войны меня втягиваешь. В борьбу селян с бандитизмом… Ну хорошо, если впряглись, значит, повезем.

Вечером всё обсудили и решили. Суть заключалось в следующем: из деревень начали пропадать одинокие люди. Кто якобы в лес ушел и не вернулся, кто вроде к родственникам поехал, но не доехал, кто на рыбалку уплыл — лодку нашли, а самих нет. Полиция не очень их искала, заявлений ведь никто не писал. Пока два месяца назад не прислали Петра, потому что тут крупное уже случилось ЧП.

В конце прошлого месяца поехал почтальон развозить пенсии по деревням. Поехал на магазинной машине с водителем, продавцом и аптекарем. Вроде все предусмотрели, водитель даже ружье взял. Тут тебе сразу весь сервис: получил пенсию и можешь что-то купить в магазине, в аптеке, заплатить за свет. Выехали они рано утром, но никуда так и не доехали. Пропали.

Местность прочесывали три раза. Никаких следов. Ни костра, ни пепелища. Начальство жаждало крови, орало по телефону, что так не бывает, что какая-то улика должна быть. В их районе инопланетяне не замечены, а значит, надо искать лучше — или в реках, или в болотах, или под землей. В конце концов, не к американцам же они сбежали.

Петя говорил, что есть у него подозрения, есть. Поэтому и уговорил дядю Васю помочь. Поживут они здесь три дня — якобы Игорь повредил ногу, а потому будет сидеть в избе, лечиться. Василий походит по селу, покрасуется перед селянами, знатно хвалясь своей богатой жизнью и деньгами. Покажет крупный золотой перстень и толстую золотую же цепочку, что дал ему Петр. Сделает в магазине богатые покупки не скупясь. Их придется отдать назад в магазин, деньги-то казенные.

На четвертый день, уговорив Ивана Сергеевича, бывшего директора школы, подвезти их, поедут восвояси. Иван Сергеевич подбросит их на телеге до просеки — это километров десять. Остальные пять они пойдут пешком. Если нападение будет, то в районе трех километров, исключая километр после высотки и километр до их населенного пункта. На всякий случай, нарушая все инструкции, Петр дал им по обрезу. Один заряжен солью, другой — дробью. С солью достался Игорю. Он не возражал. Петр сказал, что они будут под наблюдением, но в жизни все бывает — и молния нежданно в человека попадает, и дерево не туда, куда надо, падает. Человек, если замыслил что, то и с медведем в одной берлоге переспит… Он сам, Петр, завтра из села якобы уедет. На совещание.

Три дня Игорь мучился от безделья, привыкая к роли подсадной утки. Василий с утра до вечера ходил по селу. Приходил довольный, сытый и пьяный. «Вот у него жизнь. Как бы он не женился да здесь не остался. Выбирайся потом из этой глухомани один»,— думал Игорь.

Хозяйка сказала, что молва по селу пошла о том, будто Василий знает, как деньги к денежкам бегать умеют. Конечно, они беседовали вечерами. Отчего же не беседовать больному страдальцу с удачливым проходимцем? Игорь якобы делает примоч-

ки, пьет отвары, лечит ногу, а Василий веселится в свое удовольствие.

Однажды Игорь сказал:

— Вася, по-моему, ты и осторожность, и страх потерял. Ты не забывай, что такие долги, как у этих, надо отдавать только жизнью. Им терять нечего.

— Игорь, у меня сейчас положение, как в цыганском таборе. Это когда цыган говорит цыганенку: «Сходи и принеси мне папирос». Цыганенок ему отвечает: «Деньги давай». Цыган: «За деньги любой дурак принесет. Ты без денег принеси». Цыганенок ушел. Через некоторое время вернулся и протягивает цыгану пачку папирос. Цыган открывает пачку и говорит: «Она же пустая». Цыганенок отвечает: «Так из полной пачки любой дурак покурит. А ты из пустой покури». Так и я работаю.

— Работай. Главное, чтобы, как в старом еврейском анекдоте не получилось: Абрам звонит Мойше, там берут трубку. Абрам спрашивает: «Мойша дома?». Ему отвечают: «Пока дома, но венки уже вынесли». Я с тобой не в острословье соревнуюсь, а предупреждаю.

— Ладно тебе, я что — ребенок?

Они тронулись в дорогу рано утром. Иван Сергеевич был с ружьем. Перехватив взгляд Игоря, сказал:

— Ружьишко не для баловства, а для ремесла. Прокормит, согреет и от скуки отвлечет.

Ехали, разговаривали, как просил Петр. У просеки простились. Иван Сергеевич повернул лошадь налево. Они пошли направо. Шли, как и договаривались. Впереди шагал Василий, знающий дорогу, за ним Игорь. Шли, громко говорили, их должны были слышать. Прошли, наверное, километра два от просеки. Василий, остановившись, куда-то показал рукой. Игорь остановился и посмотрел в ту же сторону. Выстрел прозвучал неожиданно громко с противоположной стороны. Игорь сразу прыгнул за какой-то куст, скинув в прыжке рюкзак. Второй выстрел прошел мимо. Игорь вытащил из-за пазухи обрез. Услышал:

— Этот готов. Второй зайчик где? Шустренький.

Кто-то приблизился к его кусту. Игорь моментально выпрыгнул, обрезом резко ударил в лицо. Выхватил оружие. Увидел, как остальных полицейские валили на землю.

Он плохо помнил, что было потом. Помнил, что отвечал на вопросы. Помнил, что подписывал что-то. Помнил, что не мог назвать домашний адрес Василия. Не знал, откуда и как его детей вызывать на похороны. Его просто трясло два дня. Он смутно помнил, как поправлял могилки Васиных родителей. Как помогал рыть для него могилу.

Запомнил только, что кто-то на кладбище сказал:

— Ему досталась своя земля, знакомая с детства. Лег вместе с родителями. Где родился, там и схоронился.

Он вспомнил слова Василия: «Куда ведут нас дороги? Туда, куда мы хотим прийти».

Портной

Недаром народ говорит: от тюрьмы и от сумы не зарекайся. Когда одна подберет, а вторая на плече повиснет, только Богу известно да черту. Как говорится, один спасает или испытывает, другой забавляется. Статья статье рознь. Одна другую переплевывает. Прежде чем ответить, подумай. Слово «статья» — одно на все, а циферки разные и годочки тоже. Говорит народ, учит. Только не думающей голове нести ветер легче, чем мозги. Твердит народ: не люби женщин — погубят, не люби деньги — обманут. Жадность доброту высасывает, алчность сеет. Верь одному Богу.

Часто все не так, как тебе представляется и видится. Неприятности и болезни приходят неожиданно. Годы уходят согласно времени. Из куриц чаще всех суп варят, потому что мозги их это позволяют. По той причине и яйца у них отбирают. Не говори спасибо. Благодари. Благо дари. Благодать никому не помешает. Слово «спасибо» слух порой раздражает. Главное — не как тебя будут пугать, главное — как ты будешь бояться.

Игорь сидел и смотрел в Уголовный кодекс. Смотрел-то смотрел, а думал о своем. Вины его не было. Всю эту ужасную заморочку завернул не он. Но отвечать приходится ему. Психологически это огромная нагрузка. При том, что его со всех сторон убеждают, что виноват он. Надо это осознать, понять и поверить.

Начальство, несмотря на высокие должности и большие погоны, попросту сказать, обмочилось. С обмочившихся какой

спрос? Страх и не то творить может. Правда, следователи — молодцы, разобрались. Несмотря на то, что команду получили сделать его крайним. Оказались толковые, честные ребята. Сейчас уже третий следователь ведет его дело. Два других его дело закрывали. Вчера третий не выдержал и сказал Игорю:

— Что ты молчишь? Рассказывай, как было дело. Они тебя топят, и ты их топи. Не бойся, дерьмо не тонет, оно всплывает. Топи их, они начнут всплывать — и тебя вытянут. Будешь молчать, а не цепляться за них, они выплывут, а ты останешься. Благородство — хорошее дело, но это смотря с кем, где и когда. Знаешь, как раньше говорили? На дуэлях стреляются, а не играют в благородство.

Вспомнился анекдот, недавно услышанный. В камере собираются ужинать. Откуда ни возьмись, выскакивает крыса, хватает кусок сыра со стола, бежит к норе. Молодой сиделец хватает ботинок, бросает в крысу и убивает. В камере тишина. Старший говорит: «Я что-то не понял. Мы — воры. Крыса — вор. И вот так запросто можно замочить вора? Так вот, если ты, молодой, до завтрака не найдешь отмазку, придется ответить». Перед завтраком виновный встает и говорит: «Да, мы — воры! Крыса — вор. Так ей что же — западло было с нами за одним столом посидеть?..».

Дверь камеры открылась, зашел еще один сиделец. Поздоровался. Положил вещи. Представился. Игорь узнал его моментально, прежде всего потому, что нервы были оголены до предела. Портной. Они не виделись лет пятнадцать. Несмотря ни на что, они были из одного детства. Значит, память в своих архивах должна их дела хранить в отдельной папке. Игорь, отвернувшись к окну, сказал:

— Отгадай загадку: сама голая, а многих одевает.

— Молодец, что помнишь наши детские загадки. Я сначала засомневался, а теперь признал. Это иголка. Никак не ожидал, что наша встреча будет промежду нар. Чудны дела твои, Господи. Чем занимаешься?

— Сказки вспоминаю. Вот Курочка Ряба снесла золотое яичко. Дед взял яичко, бить его стал. Не разбил. Подключилась бабка.

Это все квалифицируется как грабеж, порча имущества и группа. Третий персонаж, Мышка, вообще уничтожила частную собственность. Взять «Колобок» — побег из дома. Три попытки убийства, затем убийство. Взять, например, сказку об Иване-царевиче: то кража, то мошенничество. Куда ни кинь взгляд, кругом статья выплывает.

— Значит, юморишь. Узнаю прежнего Игоря. Только попрошу вести себя со мной аккуратно и почтительно. Как-никак, я арестант государства.

— Это не я шучу, это народ рассказывает. Нас еще в школе учили, что надо прислушиваться к народной мудрости. Забывать сказки начал, вот и результат. Правильно я говорю, Портной?

— Наверное. Сказать тебе «да» — значит, быть соучастником. Не согласиться — значит, подписаться еще под чем-то. Я смотрю, живешь бедно. Передачи, видно, не носят?

— Не носят.

— Ладно, мы это дело поправим. Значит, ты помнишь мой детский позывной.

— Я даже помню, с чего ты просил так тебя называть.

— Напомни.

— Время есть, чего не напомнить? Нам с тобой читали книги, в которых были описаны действия женщин, чтобы мы увидели их характер, их внутреннюю силу, их желание любить и быть любимыми.

— Пожалуй, зря.

— Очень многие женщины этих книг не читали. Они им просто не были нужны.

— Невроз возникает от конфликта интеллекта с инстинктом, то есть сознания и подсознания. Подавленные страсти не исчезают, а преобразуются во что-нибудь другое. Примерно так говорил дедушка Фрейд.

— Ты читал Фрейда? Похвально.

— Будешь перебивать, не буду вспоминать.

— Еще одна фраза, а после очень внимательно слушаю. Профессор Симонова утверждала, что эмоции — это специальный

нервный аппарат, который помогает мозгу действовать при недостатке точных сведений о путях и способах достижения жизненных целей.

— Не читал. Надо будет почитать. Продолжаю. Во время Великой французской революции Шарлотта Корде, мстя за своих убитых родственников, ворвалась в квартиру Марата и, выхватив из складок платья нож, убила лежавшего в ванне «друга народа». После ареста Шарлотту Корде сопроводили в тюрьму. При обыске у нее нашли иголку и нитки. «Это зачем?» — задали ей вопрос. Корде ответила: «Я знала, что когда убью Марата, толпа мне этого не простит и попытается со мной расправиться. Мне неудобно будет идти на эшафот в разорванном платье, неряшливой. Вот поэтому я захватила с собой иголку и нитки». Вскоре ее казнили. Отрубленная голова Шарлотты упала в корзину гильотины. Палач достал голову и нанес ей пощечину за гибель Марата. Он был из династии Сансонов, которые были палачами двести лет. За этот поступок он был отстранен от должности. Он нарушил закон, он оскорбил личность. Закон гласил: «Наказывать не унижая». Убивать, но не оскорблять. После этого рассказа ты сказал, что когда вырастешь, станешь портным. Будешь одевать всех женщин в красивые одежды. Прежде всего, ты сошьешь красивое-красивое платье для мамы, купишь ей туфли и шляпку. Когда женишься, всегда будешь смотреть, чтобы твоя жена одевалась красиво и ей бы все завидовали, что у нее такой муж. Муж, который умеет создавать красоту. Я тогда улыбался, а ты бросился на меня с кулаками.

— Ты, наверное, правильно делал тогда, что улыбался. В результате ни жены, ни платьев, ни создателя красоты. Кроить и шить я все же выучился, но, правда, мужские костюмы.

— Значит, не зря я тебя прозвал Портным. Ты не обижайся, в этом прозвище — моя привязанность к тебе. Я бы даже сказал, мое удивление твоим пониманием мира.

— Я помню еще одну историю, историю любви. С нашей впечатлительностью нам нельзя было читать такие книги. Где-то в подсознании остались эти женщины, совсем не выдуманные,

реальные, со своими судьбами. Что-то нам хотелось от них увидеть в наших женщинах, но не пришлось. Зато увидели другое.

— Напомни теперь ты историю любви.

— Их было прочитано много. Что тебя из этих историй так мучает? Свою возлюбленную Марию Гамильтон Петр I приговорил к казни за ее любовь к другому мужчине. Ни во время пыток, ни после пыток, ни на эшафоте от своей любви к Ивану Орлову она не отказалась. Она взошла на эшафот и присела в реверансе. На ней было белое шелковое платье, в котором она впервые присела в реверансе на ассамблее, когда император пригласил ее на танец. Так пишет историк Алексеев. Петр рывком привлек ее к себе, но, увидев в глазах лютую ненависть, дрогнул, сознавая свое бессилие. Понял царь, что чувства Гамильтон к Орлову сильнее смерти. «Нельзя любить по приказу — по приказу можно умереть». Отвергнув царскую любовь и пощаду, молодая шотландка смело подошла к помосту и склонила голову к плахе. А потом на виду у всей собравшейся толпы с окровавленного эшафота Петр поднял отрубленную голову Марии, поцеловал ее в губы и повелел навеки сохранить голову в кунсткамере.

— Да, опять поступок и опять платье. Настоящий портной, прежде чем одеть женщину в свои наряды, оценивает наряд, в котором она пришла.

— Видно, все же в детстве я не достал до твоего лица. Жаль.

— Не расстраивайся. Какие наши годы!

— Ты прав. Еще, когда Петр I казнил любовника своей жены Екатерины I, приказал ей присутствовать на казни. Она приехала, но как она была одета! Ее платье не раздражало царя и в то же время показывало скорбь о любовнике. В отместку великий Петр приказал заспиртовать голову любовника и поставить на стол в спальне царицы. И все-таки женщина своим нарядом сумела сказать все, что хотела сказать своим мужчинам. Одному — который царствовал, и другому — который шел на смерть. Не зря царицы и цари любили символы — змей и львов. Змея — символ мудрости, рассудительности, благоразумия. Лев — символ целеустремленности, отваги, могущества. Их поступки — это книга

их жизни. Одежда — письма их поведения. Я просто с детства понял, как надо читать эти письма...

Они говорили, говорили о прошлом, не касаясь настоящего. Только как ни уходи от настоящего, все равно к нему повернешь.

Начали вспоминать друзей. Игорь спросил:

— Ты Димку Копытова не встречал?

Вздрогнул Портной, будто молния в него бабахнула.

— Димка один из всех нас мастером спорта по боксу стал. Говорили, что бывал в «горячих точках». Уволился. Приехал домой. Помог родителям. Потом уехал и пропал. Ни слуха ни духа.

Портной долго и пристально смотрел в глаза Игорю. Не отводя взгляда, сказал:

— Так получилось, что он был моей куклой. Ты знаешь, не мне тебе рассказывать. Кукла — это смертник, человек, совершивший проступки, за которые приговорен к смертной казни. Ему дают выбор: быть расстрелянным или жить, сражаясь за свою жизнь. Чем сильнее боец, тем больше у него шансов выжить. Сначала мы с ним играли в кошки-мышки. Он прятался, я находил, но с одной целью — уничтожить. Потом встретились в рукопашной. Он узнал меня сразу. Я его узнал через какое-то время. Честно сказать, если даже я и узнал бы его сразу, ничего не изменилось бы. Просто раньше бы понял, что он мне подыграл. Умирая, он мне прохрипел: «Прощаю». Каждый год я хожу в церковь и ставлю ему свечу. Ты выбрал профессию ракетчика, вот и охраняй небо, а не болтайся по СИЗО. Это у меня другая профессия.

— Я знаю.

— Ты кто по званию?

— Капитан.

— Что-то ты задержался на этих звездах.

— Ты прав.

— Я, Игорек, подполковник.

— Молодец. Я за тобой не поспеваю.

— За мной не поспевать надо, меня надо понимать. Мы каждый зарабатываем свой хлеб. Сколько еще СССР продержится, никто не знает. Очень много у нас дураков, бестолковых, непонимающих крикунов и предателей.

— Поэтому ты здесь?

— Да. Расскажу тебе анекдот. Один откинувшийся в ожидании поезда заходит в привокзальный ресторан, садится за стол. К нему подходит официантка, спрашивает, что он будет заказывать. Он ее просит принести чаю. Она уточняет, какого. Тот ей отвечает: «Как себе завариваешь». Официантка идет на кухню и говорит повару: «Там «расписной» сидит, заказал чай, говорит, как себе. Это как? Я его боюсь». Повар говорит: «Не бойся. Возьми литровую банку, насыпь туда пачку чаю, вскипяти воду, завари и подавай». Она с испугу пошла, бухнула большую пачку чая в банку, вскипятила, отстояла и принесла посетителю. Тот попробовал и говорит: «Да, сестренка, видно, жизнь и тебя подторкала». Тебе хочу сказать: заведи свое тайное место для страхов и хорони их там. Их не надо держать в себе.

Утром Игоря выпустили.

Вскоре распался СССР.

Фотография

Когда он достал письмо из почтового ящика, то очень удивился. Писем он ни от кого не ждал. Войдя в квартиру, открыл конверт. В нем лежала фотография. Когда он разглядел ее, то волна чувств стеганула сначала мозг, а затем, чуть помедлив, и сердце. Эта женщина умела себя преподнести. Ее всегда любила фотокамера. Его — нет. Она всегда выходила шикарно и умело этим пользовалась. Этот снимок тоже был потрясающим.

Когда-то он ее любил. Любил так, что даже женился. Иногда любовь может создать такой водоворот чувств, что, попадая в него, ничего, ни черта не соображаешь, не воспринимаешь, кто бы и что бы тебе ни говорил. Ты в этом водовороте просто лишаешься рассудка, не видишь и знать не хочешь, куда он тебя несет. Теряешь понимание о том, кто вы друг другу и где находитесь, очаровываясь этим гибельным движением, в котором любовь только и может черпать для себя силы.

Роскошные подарки бывают не только материальными, но и душевными. Правда, ей больше нравилось первое, чем второе. Она имела на это право. Только это право порой алчностью своей стирает ту гамму чувств, что просит душа. Впрочем,

к чему сейчас все это? Прошло столько лет. Сейчас уже другой век и другие взгляды на жизнь. А тогда... Тогда была их юность, их любовь и понимание, и непонимание друг друга. Это непонимание порой давало такие пощечины, что терпеть было невозможно. Впрочем, все это было, было, было. И он ее давно простил.

Он плеснул себе коньяка. Посмотрел на фотографию, поднял стакан и сказал:

— За встречу и за прошедшую молодость! Изменить уже ничего невозможно, да и ни к чему.

Он улыбнулся. Тогда ему казалось, что он поймал жар-птицу за хвост, забыв, что жар-птицы требуют гораздо большего, чем птицы попроще. Когда они решили пожениться, приехал его дальний родственник. Когда-то они были дружны, потом их дороги разошлись, но связь они поддерживали. Он всегда напоминал:

— Мы с тобой, как пальцы одной руки, живем порознь, но когда надо, собираемся вместе, да так, что и меч можем держать, и чарку застольную.

В тот раз он ему сказал:

— Со своей любовью меня не знакомь. Я со стороны понаблюдаю.

Через какое-то время он высказал:

— Она любит себя в тебе, но не любит тебя в себе. Она молода, но избалована. Избалованность — это такое извращенное чувства ума, что ты от него не раз икнешь. Не спеши, она еще не выросла до жены. Жена — это звание, которому соответствует не каждая женщина, впрочем, как и мужчина не сразу становится мужем. Выбирая жену, не делай ее зависимой и не ищи свою зависимость от нее. Раньше говорили, что женщина должна быть как дерево: в молодости, весной, привлекать к себе; летом, когда созрела, уметь сохранять и красоту, и плоды свои, спасать от дождя, от ветра и от грозы; осенью своей душевной красотой давать подпитку семье; зимой своим теплом и любовью согревать озябшие души. Так и делают наши матери. Ты понимаешь, как трудно быть женщиной? Какая

она в постели будет, зависит от мужчины, и не надо дурость свою на кого-то перекладывать. Порой мы многого хотим, а сами — ничтожества. Женщина под разными предлогами всегда будет отстаивать свое право на обеспеченность, особенно на обеспеченность семьи. Умей читать ее желания и исполнять. Наполеон говорил: «Ради прекрасных женщин мужчина должен поступать роскошно». Помни: деньги дают статус, но они его и отнимают. Между мужчиной и женщиной будут создаваться пространства безумства, незримые границы, душевная боль, волшебство счастья, непредсказуемость поведения, безрассудность, поперечный характер, строптивость. Я люблю грибные дожди. Не люблю ливни и засуху. Говорят, дольше всех живет любовь. Вопрос только, где, как, в чем или в ком? Любовь, как и бриллиант, имеет свою огранку. Но кто ее сделает?..

Тот дальний родственник умер молодым, так и не женившись. Он знал себе цену во всем и, прежде всего, цену своей ответственности. Он тогда пожелал:

— Не становись бараном, чтобы тебя не стригли. Не становись козлом — пахни всегда приятно. Козел — это единственное животное, позволяющее другим спариваться со своей самкой. Не становись кабаном — не губи то, что тебе еще пригодится, не рой под то, что дает плоды.

Сейчас уже не дают таких наставлений. Другое время, другие нравы.

Ее наставляла сестра. Она говорила ей, что Александр Сергеевич Пушкин давно показал, какой должна быть жена для мужа: незаменимой, с толкованием всего, что происходит, в пользу супруга. Не должна раздавать полученных в детстве обид. Понимать, что культура общения имеет не только свои грани, но и границы. А мужчина должен уметь жертвовать собой ради любимой женщины. И, конечно, деньги жене надо взять под свой контроль, тогда легче и мужчину контролировать. Жена не рукавица, с белой ручки не стряхнешь да за пояс не заткнешь.

Наставления — это хорошо, да кто их помнит? Да, сейчас развестись проще, чем раньше. И все равно развод подобен маленькой смерти. Жизненное притирание друг к другу у каждой семейной пары проходит по-своему. Главное — понять: а сможешь ли ты принять то, что он хотел видеть в тебе? И чем отплатишь ты? Школа давала одинаковые знания. Жизненные знания их семей были разные. Поэтому понимание и помощь друг другу, особенно сначала, требовали не только любви, но и большого терпения. Он ее ревновал. Она продолжала жить так, будто замуж и не выходила. Домой приходила, как на свидания. Он хотел любви Джульетты, а получал любовь бабочки. Она, смеясь, говорила:

— Бабочка прекрасна не только собой, но и своим порханием, своим прикосновением. Не прикалывай меня к бархату, от этого никто ничего не выиграет. Не губи меня во мне. Не губи меня в себе.

В непонимании родилось одиночество.

Однажды он сказал:

— Я отпускаю тебя. Я понял, что груб для бабочки, и в этой жизни мне не понять цели ее порхания. Между нами искривлено пространство, поэтому нет гармонии.

Он и не предполагал, что прощание будет подобно смерти, что он узнает столько любви и слёз. Этот крик: «Ты меня приручил! Ты за меня в ответе!» — долго будет стоять ушах. Она говорила:

— Я умела так любить потому, что меня не научили любить иначе. Сам того не понимая, ты своей душой погладил мою душу. Это видел только Бог, а я это чувствовала.

Он любил ее. Потом он поймет, что по натуре однолюб и что от их разрыва никто не выиграл. Женщины часто бывают умнее мужчин, бывают более стойкими перед лицом испытаний.

Он посмотрел на фотографию. Снимок был сделан в Иерусалиме. Она стояла на коленях у Порога Судных Врат и молилась Богу. Спустя много лет она по-прежнему была прекрасной женщиной в отличной форме.

Он перевернул фотографию. На обороте было написано: «Прости меня».

Он ответил вслух:

— Прощаю. Прости и ты меня.

Последняя встреча

1.

Он сидел на вокзальной скамейке. Думал, как добраться до назначенного места.

В этом мире всегда все меняется, но порой так неожиданно, что своими мозгами за всем не всегда поспеваешь. Народная мудрость гласит: не успел — значит, пролетел. В нужном ему направлении пассажирские поезда теперь не ходили, автобусы перестали ездить. А расстояние в двести пятьдесят километров осталось. Вопрос: как преодолеть то, что вызывает негативные чувства? А также слова-паразиты, крутящиеся на языке? Потому что именно это не давало сосредоточиться на решении задачи. Интересно, от чего быстрее устают мозги — от глупых или от умных мыслей? В человечью голову больше приходит глупых мыслей или умных? Часто ли глупые мысли маскируются под умные и наоборот? Что лучше — когда жизнь улыбается идиотской улыбкой или просто бестолково на тебя смотрит?..

Что-то надо было делать. Сам по себе пункт назначения ближе не станет... В это время знакомый голос спросил:

— Павел Викторович, куда это вы собрались? Какие российские просторы вас поманили?

Приглядевшись, Павел встал и обнял подошедшего человека.

— Петя! Не ожидал. Очень рад. Хочу попасть в родное село, да не знаю, как. Погоди, ты же тоже из тех мест. Ты как теперь туда добираешься?

— Из тех, да не совсем, моя деревня ближе. Я давно там не живу. К сестре в гости приезжаю. Завтра по делам в ту сторону поеду. Хочешь, возьму?

— Хочу. Как поедем?

— Просто. Завтра мы с тобой в пять часов утра прыгаем на товарняк, проезжаем на нем двести километров, на повороте, где он притормаживает, соскакиваем, идем до моей деревни, а после я провожаю тебя дальше. Есть другой вариант. Ты после того, как я соскочу, едешь еще 50 километров, затем прыгаешь и добираешься до своего села.

— Серьезно?

— Очень. С нашими дорогами и маршрутами лучше не шутить. И еще: что от той станции, что от моей деревни, до твоего села двадцать километров. Так сказать, равнобедренный треугольник получается, но от станции дорога лучше.

— Ты не шутишь?

— Да какие шутки? Вспомнишь молодость. Получишь заряд бодрости.

— Ну да, в пятьдесят лет.

— Так, дорогой, когда заботы требуют, они годы не спрашивают, а говорят, что ко всему надо быть готовым. Едем?

— Куда деваться? Едем.

— Пойдем со мной. Я тут у тетки остановился, седьмая вода на киселе, но родня. Мы с ней живем по принципу «дружи с умом, и будет рад тебе весь дом». Я смотрю, рюкзачок у тебя нехилый. Как ты с ним завтра прыгать будешь?

— Запрыгну.

— Ну-ну. Что там у тебя?

— Подарки. Как раньше говорили, без подарка в гости не ходят. Он и сердце смягчит, и душе угодит, тебя покажет и разговор завяжет.

— Заботливое внимание всем нравится. Раньше еще вот так красиво говорили: «Он жадно возвращался в свои места». Теперь уже не скажут.

— Жадно не жадно, а напиться малой родиной хочется.

Дом Пети оказался недалеко от вокзала. Тетушка произвела на Павла впечатление. Это была старушка лет семидесяти пяти, довольно шустрая для своих лет, в здравом уме. Быстро ориентировалась в обстановке и молча оценивала собеседника по его качествам. Уже потом Павел узнал, что понравился тетушке, — и всё потому, что правильно поздоровался, красиво снял обувь, без брызг вымыл руки, повесил полотенце так, как оно висело до него, и эстетично присел на диван. Когда после ему об этом рассказывал Петр, Павел искренне смеялся. Петр добавил, что за столом тетушке всё хотелось что-то ему, Павлу, подкладывать и подливать, ибо с его стороны это было роскошное вкушение пищи, позволяющее хозяйке не только оценить едока, но и получить высокую оценку ее кулинарных талантов.

— Откуда у тебя эти изысканные манеры? — удивился Петр.

— От внимания твоей тетушки. Она в контрразведке не служила?

— Как-нибудь поинтересуюсь.

— Я теперь не знаю, как себя вести.

— Веди так же, как и вел. Да, кстати, — туалет у нас на улице, и ты должен оставить светлую память о посещении этого иногда такого желанного места. Помни: не первый, а последний мазок завершает произведение искусства.

— Я пойду на вокзал.

— Прекрати. Минут через тридцать спать ляжем. Завтра у нас беспокойный день. Слушай, не поверю, что у тебя не было машины.

— Была. Жизнь прижала, пришлось продать.

— У меня тоже была. Обдолбанный дурак выехал на встречку и разбил ее. Как я живой остался — до сих пор не пойму.

— Здесь-то какие дела решаешь? Ты не из тех, кто просто так по тетушкам ездит.

— Племяннице помогал. Она у нас в техникуме учится. Один клоун стал ей прохода не давать. Сестра сообщила. Я подъехал. Хотел по-хорошему, да вышла неувязка. Он, сопляк, меня послал. Я люблю наши песни. Порой это сплошное руководство к действию. Как поет Пугачева, «а ты придешь совсем внезапно». Я пришел. Вырубил. Он же не знал, с кем связался. Увез в лес, сделал ему упражнение «плуг», ты знаешь, что это такое. Подождал. Через полчаса он начал писать в штаны. Я сфотографировал. Сказал, что если он окажется глупым, то эти фотографии будут висеть по всему городу. Сделает что-то плохое моей племяннице — убью. Осуждаешь? Педагогическое образование заговорило? А если он беспредельщик? Если он не понимает по-другому? Вспомни, как мы дрались в том же ГПТУ за котлеты в столовой, которые у нас пытались отнять. За те места, что считались козырными. За Рафката, которого поставили под лампочкой и заставили лаять на нее до тех пор, пока она не потухнет. А как тебе чуть не на голову в клубе сзади положили ноги, помнишь?

— Я тогда не стал драться.

— Ты пожалел нас, они бы нам надавали. Но они через тебя унизили нас. Тебе про армию напомнить? Про дембелей? Помнишь, мы с тобой встретились в «зеленке»?

— Помню.

— Так там погиб ее отец. Я что, не должен был девчонку защитить?

— Что ты разошелся? Я еще ничего не сказал.

— Но как ты посмотрел! Если бы ты видел, как ты посмотрел. Ты помнишь Урюка — он с тобой работал?

— Помню.

— Так этот Урюк вывез нормального парня на кладбище, сбросил в могилу, а его девочки пописали на него сверху. Сказали ему, что теперь он опущенный и в их школе больше учиться не будет. Урюку был двадцать один год. Мальчишке — шестнадцать.

— Я знаю про этот случай. Пытался с Урюком говорить. Бесполезно. Это был уклад другой жизни.

— А сломанная жизнь того парня — с ней что делать?

— Не задавай мне вопросов. Я просто хочу тебе напомнить, как кто-то сказал: «Мы все родом из детства». Нас воспитывает та среда, в которую мы попадаем. Мы получаем те знания, которые нам дают окружающие.

— В тебе опять заговорил педагог. Давай спать. Договорим потом.

2.

Дорога была обычной дорогой в сельской местности. Она показывала направление к жилью. Она давала надежду, что по ней можно добраться до жилья или по пути кого-то встретить. Это уже было немало. Павлу повезло — вскоре его догнал автомобиль. Павел поднял руку. Автомобиль остановился. Павел спросил у водителя, сможет ли тот довезти его до села. Водитель кивнул, и Павел сел в машину. Сначала молчали, потом понемногу разговорились. Водителя звали Виктором. Раньше он служил старшим опером в органах. Ушел на пенсию, переехал в то же село, куда ехал Павел. Работает сейчас директором сельской школы. Виктор рассказывал:

— Долго я не соглашался. Очень долго. Ты понимаешь, перед глазами стоял фильм «Первый учитель». Еще вспоминался случай: однажды по дороге на работу увидел, как молодая женщина истерически кричала на девочку лет шести. Вторую девочку, лет трех, она держала за руку. Мимо шли прохожие. Прошел и я. Но тут остановился батюшка и спросил спокойным голосом: «Сударыня! Вы так воспитываете свое чадо или наказываете?». Ты начинаешь понимать, что раздражение — это, прежде всего, невладение собой. А результат — что посеешь, то и пожнешь. Батюшка сказал всего одну фразу, но какую! Вот он педагог, я — нет. Еще раз мы с ним пересеклись. Я услышал от него следующее: «Слово — это инструмент Бога. От слова, поступков и чувств зависит, какой разум мы создадим в том или ином ребенке. Что он будет искать в себе, для себя, для других?». Я, Паша, работал в Москве и старался по-

сещать всякие культурные мероприятия. Однажды попал на встречу с артистом Леонидом Броневым. Его спросили, на кого он ориентируется в своей жизни. Броневой ответил гениально, на мой взгляд. Он сказал, что всю свою жизнь он дружит с Пушкиным Александром Сергеевичем и Лермонтовым Михаилом Юрьевичем. Сначала относился к ним, как к учителям, затем — как к старшим братьям. Повзрослев, стал относиться, как к добрым друзьям. Сейчас — как к детям. У Пушкина хоть были друзья, а Лермонтова любила только бабушка. Броневой любил их, защищал. Он продолжал вчитываться в их произведения и беседовать с мыслями, что они оставили на бумаге. Мне бы такое в голову не пришло. Был на встрече с великим педагогом Шалвой Амонашвили. Он рассказывал, что новая учительница, пришедшая к ним в класс, ему, двоечнику, сказала, что у него глаза поэта. Она зажгла его. Зажгла ребенка своим правильным индивидуальным подходом. Было много пропущено, и чтобы наверстать, некоторый материал надо было просто зубрить. Он зубрил, Паша, потому что у него были глаза поэта. Понимаешь, все познается в сравнении. Сравнение не в мою пользу.

— Витя, почему ты решил, что мне это все интересно?

— Да потому, что деваться тебе некуда и слушаешь ты очень внимательно. Кстати, мы подъезжаем. Захочешь, заходи в гости.

Подойдя к дому, Павел отметил, что жилье приятно ухожено. Забор покрашен, в палисаднике красиво прибрано. Он открыл калитку, зашел во двор. Из будки, гремя цепью, вылезла собака и залаяла.

— Вася, это я, — сказал Павел.

Услышав его голос, собака завиляла хвостом.

— Признал, чертяка, признал. Столько лет прошло, а все равно помнишь. Не зря мы с тобой в друзьях ходили. Я уж грешным делом думал, что тебя в живых нет. А ты живой и даже меня помнишь. Ты уж прости меня за такие мысли, — говорил Павел, гладя собаку по голове.

За спиной послышалось:

— Что же ты, мил человек, в чужом дворе потерял? Притом собаку мою приручаешь.

Павел обернулся.

— Паша! — выдохнул радостно хозяин. — А я-то думаю, кто это по моему двору шастает? Рад. Очень рад. Давай проходи в дом. Мария! — позвал он жену. — Иди посмотри, кто приехал.

Мария прильнула к груди Павла.

— Славу Богу, что свиделись! — сказала она, утирая выступившие слезы.

Павел обнял ее в ответ.

— Так, хватит с сестрой обниматься, — сказал Николай. — Давай и мы с тобой обнимемся.

— Рюкзачок дозволь снять. А то после твоих объятий и медведь присядет.

Николай рассмеялся. Потискав друг друга, они прошли в дом. Мария стала накрывать на стол.

— Сейчас перекусим, потом ты отдохнешь, а вечером уж сядем за стол как положено.

— Подождите, — сказал Павел. Открыл рюкзак и начал доставать подарки со словами:

— Сестрам сережки, детям матрешки, братьям по деньге, чтобы лад был в семье.

— Ты на машине приехал? — спросил Николай, поблагодарив за гостинцы.

— Нет. Своим ходом. Неспешно, но верно. Потом расскажу. У вас как жизнь?

— У нас как на полосе препятствий — каждый раз что-то преодолеваем.

— Прошу к столу, — сказала Мария.

Садясь за стол, Николай спросил:

— Здоровье как?

— Про здоровье сейчас не будем. А то, знаешь, спроси у дурака про здоровье, он и начнет рассказывать.

Для аппетита и живости разговора выпили по рюмочке, остальное отодвинули на вечер. Николай извинился, за то

что открыли не привезенные напитки, а их домашний самогон.

— Прекрати,— махнул рукой Павел.— В хорошей компании и от счастья пьяным быть можно. Вспомнил — когда служил в армии, ко мне приехал после присяги друг и привез килограмм шоколадных конфет. Я эти конфеты, пока мы сидели на КПП, съел и стал пьян. От радости, что с вами, я от вашего стола уже пьян. А нам еще и поговорить нужно, и от прошлого взгляд зажечь, и от настоящего слухи отделить. Как говорится, кого похвалить, кого обматерить. Сказать, кто малый не дурак, а кто дурак немалый. Да не по пьяни, не в горячности, а рассудительно. И главное — своим, кому и как помочь нужно.

Мария, покачав головой, открыла графин и налила самогон в рюмки:

— Это допьете — и спать, философы. Через час разбужу.

— Ты не так поняла...— возразил было Павел сестре.

— Да все я поняла. Не первый день замужем. Свои разговоры на потом оставьте. Вершители судеб. Собственную лошадь не могут запрячь, а на чужой табун засматриваются.

— Мы все поняли,— сказал Николай.

— За Марию,— кивнул Павел.

— Только за нее,— поддакнул Николай.

Они с удовольствием выпили за сестру и жену.

К вечеру стали подходить гости. Немного поспавший с дороги Павел здоровался, обнимался, расспрашивал. Про себя невольно отмечал, что время делало свое дело уверенно и смело. Кто-то стал седым, кто-то лысым, кто-то и седым, и лысым. Кто-то стал толстым и кряжистым, кто-то просто кряжистым, кто-то по-прежнему оставался худым, но это была не юношеская худоба. Павел думал о том, что в это сегодняшнее мгновение кажется, будто жизнь прошла быстро. А когда начинаешь вспоминать, то понимаешь: не такая уж она была быстрая. С одной стороны, столько успели навертеть, с другой — столько еще не сделали. А годы хлопают по плечу и говорят: «Нас не сбросить. Мы не торопим, но и не

отстаем. Вовремя пришли, вовремя уйдем. Все твои дела, сделанные и не сделанные, на тебе и останутся. Суть жертвы Богу не в том, что это надо ему, а в том, что дал ты. Это и суть семьи, суть воспитания детей — не только твои дела, ум, но и чувства.

Гости приносили что-то свое, и это моментально открывалось, или резалось, или переливалось и ставилось на стол. Павел, посмотрев на угощения, подумал о том, что люди делали праздник. Это надо было ценить и уважать. Потом вспоминали юность, смешные истории, о чем мечтали, что сбылось, что не сбылось, кого уже нет, а кто далече.

Оказалось, он приехал вовремя, тут многие приехали помочь выкопать картошку. Затем, как положено, нагрузятся родительскими припасами и убудут восвояси. Как говорится, что осенью руками соберешь, то зимой губами подберешь. А сейчас паутина солнечных деньков подсказывала: пока журавли не отлетели, надо поработать.

Подошедшая к калитке девочка позвала бабушку Клавдию, та быстро встала и побежала к ней. Мария поставила чистую тарелку на стол, спросила, что девочка будет кушать, наложила еды. Разговор снова продолжился. Вскоре кто-то попросил:

— Настя, может, ты нам споешь? Уж очень мила ты сердцу своим пением. Да и душа, услышав тебя, любовью наполняется. Уедешь ты, я по тебе скучать буду.

Клавдия, наклонившись к девочке, что-то ей сказала, затем помогла выйти из-за стола. Моментально наступила тишина. Худенькая невысокая девочка тихо сказала:

— «У церкви стояла карета». Слова народные.

Она запела. Да как! Когда пропела: «Она на святое распятье смотрела сквозь радугу слез», женщины начали утирать свои слезы. Николай, наклонившись к Павлу, тихо сказал:

— Она слепая от рождения. Дочь Клавдии при родах померла. Муж дочери погиб в Чечне. Клавдии муж убит в драке. Клавдия ее растит одна, девчонка прелесть. Никто не учил, но как поет! Я с тобой разговариваю, потому что боюсь расплакаться. Есть такое выражение: «Дрожащая рука горя и дрожащая рука счастья». На ее голову судьба возложила обе руки.

Девочка уже выводила: «То не ветер ветку клонит». Затем по чьей-то просьбе исполнила «Златые горы», «Удалец», «Ах, зачем эта ночь», «Степь да степь кругом».

Встала Клавдия, сказала:

— Хватит. Надо меру знать.

Мария, выйдя из дома, передала девочке конфеты. Правильно говорят, что каждому человеку милее тот язык, которому научила его мама. Самые приятные те слова, которые ему с любовью шепчет мама. Самая лучшая песня — та, с которой мать убаюкивает, укачивает в детской кроватке. Любовь — это такое чувство, которое может тронуть сердце своей теплотой, своим счастьем, своим светом только потому, что его погладила доброта. Все они хотели прикоснуться к этой девочке своим теплом и согреть ее детское сердце.

3.

Три дня они копали картошку. Привозя, рассыпали на просушку в сарае. Затем два дня работали в саду и в огороде. Вечером Мария сказала:

— Паша, сходи завтра к Спиридону Ивановичу. Я ему гостинцев насобираю, да и пирогов напеку. Завтра праздник иконы «Неопалимая Купина» о сохранении домов от пожара. Ему приятно будет.

— С большим удовольствием. Значит, жив еще дед? Молодец. Любил я с ним чаи гонять. Недаром говорят, что в умной беседе быть — ума прикупить, а в глупой — растерять.

Спиридон Иванович был врачом сельской больницы, когда она еще была. Он прошел почти всю войну, но о войне разговаривать не любил. На вопросы отвечал, что вся война его прошла за операционным столом. Оружием были знания и хирургический инструмент. Один раз всего Павел увидел его полковничьи погоны и ордена с медалями, когда умер Георгий Константинович Жуков. Тогда дед, как они его звали, начистив свои ордена, медали, пуговицы, бляху ремня и сапоги, вышел, прошелся по селу, сел в автобус и уехал. На во-

прос, куда он ездил, отвечал четко и без смущения: «В Храм, поставить свечу и заказать заупокойную»...

— Как он живет? — спросил Павел у сестры.

— Старый стал. В помощи, как и раньше, никому не отказывает. С чужими детьми по случаю возится. Вообще, золото годы не портят.

— Я помню, как мы с ним беседы вели. Как я его доставал вопросами. Он же всегда, не раздражаясь, мне отвечал. Я его раз спросил: «Ты в Бога веришь? Он есть?». Он мне ответил: «В данный момент идеология нашего государства отрицает наличие Бога, но отрицать — не значит доказать. Также Бог — прежде всего учение. Христианство — образ жизни. Нужно оно тебе, не нужно — это ты будешь решать всю жизнь, если не выберешь сразу. В экстремальной ситуации, как правило, веру не предают. У меня был учителем архиепископ Лука, в миру Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий. Он был прекрасным хирургом, доктором медицинских наук, профессором, автором многих трудов и — доктором богословия. На лекции в институт ходил в рясе и отказывался ее снимать. Сталинскую премию за работы по хирургии пошел в Кремль получать в рясе. На вопрос Сталина, видел ли он хоть раз душу, ответил, что ум тоже ни разу не видел. Поэтому лично я не могу предать своего учителя. Также я знаю как хирург, что Бог не заложил в человека ген смерти. Ген жизни есть, ген старости есть, но гена смерти нет. Есть просто органы, которые не могут больше выполнять свои функции. Врач это должен понимать и помогать устранять такие недостатки, потому что именно тогда он становится прямым помощником Бога. На твой вопрос отвечу так. В двадцатые годы в школьный класс заходит учительница и говорит: «Дети, Бога нет. Нас обманывали. Давайте плюнем в небо и покажем Богу фигу». Дети развеселились, бегают, плюются, показывают фигу. Только один мальчик сидит и спокойно на них смотрит. Его спрашивают: «Почему ты ничего не делаешь?». Он отвечает: «Если Бога нет, какой смысл в него плевать? А если он есть, зачем портить с ним отношения?». Расскажу тебе еще одну исто-

рию. Дореволюционная гимназия. Идут экзамены, преподаватель спрашивает ученика: «Скажите, что легче — пуд ваты или пуд железа?». Подумав, ученик отвечает: «Пуд ваты». «Неправильно,— говорит преподаватель.— Пуд есть пуд. Вам двойка». «Не согласен,— говорит ученик.— Давайте разуемся и сбросим на свои ноги: я — пуд ваты, а вы — пуд железа». Это я к тому, что каждый из нас имеет свой удельный вес. Какой? Покажет жизнь. А еще — у каждого свой характер. Тебе на жизненном пути разные попадутся люди. Они будут каждый по-своему относиться к религии. Порою задавать глупые вопросы. Например, в силах ли Бог создать камень, который сам не сможет поднять? Если ты скажешь «да», они ответят, что тогда, выходит, Бог не всесилен. Если ты скажешь «нет», они скажут, что он не всемогущ. Паша, не в этом Бог, а тем более не в глупости». Я много чего от него интересного услышал...

4.

Подарки Спиридону Ивановичу уложены. Когда Павел выходил из дома, Мария незаметно от Николая сунула ему пакет.

— Здесь вино и закуска. Потом сообразишь,— сказала она шепотом. И громким голосом добавила: — Захочешь у Спиридона Ивановича заночевать, оставайся. А на послезавтра его в баньку пригласи. Истопим. Кто у нас баньке не рад?

Павел вышел из калитки и направился к дому Спиридона Ивановича. На третьем проулке его окликнули. Он оглянулся и замер.

— Дарья...— только и смог вымолвить.

— Да, Паша, это я.

Он как-то неловко спросил:

— А что к нам не заходила?

— Во-первых, я только вчера приехала. Во-вторых, никто не приглашал.

«Только когда же вы с Марией сговориться сумели? — подумал Павел, мельком взглянув на пакет.— Вот бабы!»

— А я, Паша, тебя к себе приглашаю. Вечером зайдешь?

— Зайду,— кивнул Павел.

— Не заблудишься?

— Не заплутаю. Если что, сердце подскажет. Это тебе Мария передала,— сказал он, отдавая пакет.— А я сейчас к Спиридону Ивановичу

Дарья, покраснев, заулыбалась:

— Я поняла. Потом ко мне. Я тебя буду ждать.

— Хорошо.

Какой-то пьяный туман окутал Павла, когда он зашагал дальше. Что-то пробилось в душе весенним подснежником. Что-то смущало и радовало одновременно. Наверное, это юность, отпросившись у времени, прилетела сюда, чтобы посмотреть на них, коснуться их плеч и улететь обратно.

Открыв калитку, Павел вошел во двор. С крыльца выскочила маленькая собачонка и залилась звонким лаем. Павел остановился. Собачонка замолчала. Он попробовал идти дальше. Собачонка залаяла еще сильнее. Из дома вышел хозяин.

— Спиридон Иванович, в гости пустишь?

Приглядевшись, тот спросил:

— Паша, ты, что ли?

— Я, Спиридон Иванович, я.

— Проходи.

Собачонка настороженно зарычала.

— Хозяйка, молчи. Свой,— сказал ей Спиридон Иванович.

— От вашего «звонка» оглохнуть можно.

— Она у меня Хозяйка и в прямом, и в переносном смысле слова. Умная. Предупреждает, охраняет, понимает, внимательно слушает, а когда надо, с запиской в магазин сбегает. Посади за стол, дай книгу, читать начнет. Один недостаток.

— Какой?

— Страницы переворачивать не может. Ты что же, Паша? Почти неделю у нас, а глаз не кажешь. Я уж грешным делом думал, что и не зайдешь.

— Прости, дед. Как приехал, сразу к работе прикрепили и погнали. Вот только высвободился, и сразу к тебе. Мария с Николаем тебе гостинец передают. Я тебе тоже подарок

привез. Икону твоего учителя — святителя Луки Крымского. И еще молитву к нему.

У старика на глаза навернулись слезы.

— Слаб стал. Подарок неожиданный. В наших местах небывалый. С этим подарком ты мне и юность мою в дом занес. Спасибо.

— Я рад, дед, что тебе угодил. От кого узнал, что я приехал?

— Ты помнишь, что я всегда говорил: «История оставила нам столько уроков. По ним можно так интересно и правильно развиться. Дело пустяковое, их надо читать». Фригийский царь Мидас предпочел игру на свирели бездарного Марсия божественной игре Аполлона. За это его наказал бог — у Мидаса выросли ослиные уши. Он начал их прятать, но все-таки придворные узнали о них. За разглашение этой тайны можно было лишиться головы. Один из приближенных все же не выдержал. Однажды у источника, окруженного тростником, он закричал, что у царя Мидаса ослиные уши. Однажды какой-то пастух остановился около этого источника и из тростинки сделал свирель. Свирель вместо обычной трели пропела: «У царя Мидаса ослиные уши!». Тростинка подслушала тайну. Это я к тому, что приехала Дарья. По всей видимости, от меня ты пойдешь к ней.

— Ты, дед, видать, столько прооперировал людей, что можешь все узнавать через прикосновение или читать мысли.

— Приходилось по-разному. Посиди, я самовар поставлю. По рюмочке выпьем, мне больше нельзя, а тебе не надо.

Через какое-то время на столе стояли самовар с заварным чайником, жареная картошка с корочкой, маринованные грибочки, помидоры, огурцы, квашеная капуста, сливочное масло, тонко нарезанный хлеб и графинчик. Дед налил по рюмочке, себе совсем маленькую, Павлу большую.

— Давай, Паша, за встречу! Выпьешь, сразу не закусывай, замри, почувствуй, как организм примет.

Чокнулись. Выпили. Павел замер и почувствовал, как напиток спокойно и нежно отдавал свое тепло и энергию организму.

— Как?

— Раньше говорили: «Будто боженька голыми ножками прошелся».

— Вот оно — правило пития: не набраться, а вкушать. Теперь закусывай. Извини за стол: что имею, то и поставил.

— Дед, стол отменный.

— Я ем мало, в моем возрасте то соленого нельзя, то сладкого, то перченого. Я в основном все это для детишек держу, кроме спиртного, конечно. То одного подкормлю, то другого. Сейчас у нас на работу не устроишься, всё постепенно разваливается. Село пьет. У верхушки две цели: захватить власть и сколотить состояние. У денег глаз нет. Только у некоторых людей в глазах сплошные деньги. Не думал я, что до такого времени доживу. Твердое государство — это государство, которое создает и это создаваемое может продавать за границу. Себя защитить может. Народ в нем не прозябает. Раньше говорили: «Печка печет не жаром, а духом».

— Дед, может, тебе помочь в чем? Картошку выкопать? В саду что сделать?

— С божьей помощью сам все потихоньку сделал. Разве только картошку в погреб опустить.

— Помогу. Потом в баню пойдем, Николай приглашает.

— Что же — сходим. Только я последним в баню заходить буду. Это вы парьтесь. А я горячей водой помоюсь, вот мне и услада.

— Теперь что делать будешь? Осенние дожди пойдут. Зимние морозы ударят.

— Как что? Людям помогать да с Богом беседовать.

— До этого не беседовали?

— По-разному. Бог проверил Адама Евой, и тот проверку не прошел. Женщина была сделана из его ребра, то есть из него самого. Значит, прежде всего надо научиться разбираться в себе, раньше чем идти на поводу у кого-то. Бог дал понять, что женщин без ошибок быть не может. Надо систематически перевооружать себя, застой ведет к поражению. Устойчивость положения — успех жизни. Пасха — прежде

всего праздник для нас. Христос воскресает для того, чтобы мы никогда не хоронили свою любовь. Если серьезно, с Богом можно беседовать долго и о разном, особенно в моем возрасте. Религия нужна, чтобы не бояться смерти. Молитва дает энергию моей душе. Мы же все в основном у Бога только просим. Душу же надо обогащать прекрасным, вытесняя из себя лень, глупость, ненужные мелочи. Через свой труд Бог дал нам понятие мира, его ощущение и развитие. — Он помолчал и продолжил: — С тобой поговорю о другом. Академик Павлов говорил: «Самое дорогое у человека — движение». Это я к тому, что движение стимулирует функции всех систем организма. Улучшает общий кровоток, увеличивает содержание кислорода в крови, напряжение мышц. Я смотрю, ты начал халатно к себе относиться. У тебя сейчас возраст, когда болезни пытаются высмотреть тебя не только на улице, но и в подворотне, а также в собственной кровати.

— Дед, в тебе опять заговорил врач.

— Никуда не денешься, он во мне говорит всю жизнь. Сейчас уже редко кто скажет: «Любуясь красотой и прелестью молодой женщины, мышцами мужчины, не забудь оказать уважение и помощь старухе и старику». Нравственные беседы надо вести увлекательно, с юмором, доступно. Помнить, что наказание, битьё вызывают отторжение и подозрительность к тому, кто бьет. Особенно у детей. Вот об этом мы с Богом и беседуем. Я не знаю, как ему, а мне порой больше и поговорить не с кем. Вот и учусь у Бога общению. За икону еще раз спасибо. Близкие нам люди уходят от нас со своей любовью к нам. Поэтому они нас любят вечно. Мы должны помнить, что их любовь к нам не только на небесах, но и в нас. Именно она нас делает умнее и сильнее.

— Прости меня, но... Ты почему не женился? Сейчас один бы не был.

— Любил и я. Однажды испанский принц сказал своей возлюбленной: «Возложи мою любовь печатью на свое сердце, как я твою на свое». Вот и мы так же возложили, как и они.

Остались, как и они, верны друг другу. Она погибла. Я знал всю свою сознательную жизнь, за кого и за что я могу умереть.

5.

Вечер чудил теплотой. Вроде и день был не очень теплый. Вечер будто из тайника достал тепло и рассыпал по улицам. «Хоть бери Дарью и веди целоваться на скамейку под сиренью, где мы целовались впервые»,— подумалось Павлу. Интересно, жива ли еще та сирень? Цела ли еще скамейка? Память нахлынула снова, на этот раз стихами.

Вы говорили когда-то,
Что любите только меня.
Дни счастьем своим уставали,
Ночь колдовством в плен брала.

«Что-то меня понесло не туда,— подумал Павел.— Не умел стихи писать тогда, и сейчас не стоит. Скажи кому, оборжутся. Лирика давно прошла. Осталась только суровая проза жизни. Сопли в ней никому не нужны. Красота, обаяние — да. Остальное — слюнтяйство, ротозейство — за борт! Мы взрослые люди и знаем, чего хотим друг от друга. Если знаем, значит, поймем друг друга. Если поймем, значит, друг другу будем помогать. Старая любовь — как сказка детства: прочитал, а потаенное чувство осталось. Да, учились и думали об одном, а выросли и получили другое».

Странно с ними распорядились их судьбы. Любили, потом дороги разошлись, потом опять соединились и опять разошлись. Вот и сейчас ни у нее, ни у него семей нет. А может, именно тогда, в юности, проверяла их судьба на разрыв, на прочность, на выдержку? Кто-то из них дрогнул, кто-то обиделся. В результате усталая судьба сказала: не хотите так, получите этак. Разлучить разлучила, а судьба затаилась в их сердцах, как бы говоря: «Я с вами помучилась, вот и вы пострадайте. Дал Бог вам любовь, а вы решили ее профукать. Вы-то решили, да я не утвердила. Говорят, когда на трудной дороге

лошадь спотыкается, то нужно не нахлестывать ее, а поднять ей голову повыше, чтобы дальше видела перед собой. Я подниму ваши головы, если вы сами не можете». Подняла. Только с дорогой уходят и годы. А жизнь подсказывала свое: «Лучше найдешь — забудешь, хуже найдешь — вспомянешь».

«Что-то я не о том думаю. Все-таки, как ни крути, иду на свидание». Зайдя во двор, он обратил внимание, что занавеска на окне задвинулась. Через секунду в дверях показалась Дарья:

— Заходи, Паша, заходи, а то я заждалась. Проходи, руки вон там можешь вымыть, да садись к столу.

— Подожди, Дарьюшка, я тебе подарок принес.

— Спасибо,— сказала Дарья.— Подарок ценный. Шкатулка-то из малахита, и узор красив. Как там Спиридон Иванович?

— Сдает старик, но держится. Рассуждает здраво. Двигается, и мне наказал то же делать.

— Надо будет к нему зайти да гостинцев отнести. Он, говорят, тут всю подзаборную детвору подкармливает. Да деньги еще старикам на лекарство дает. Вот они, корни русской души... А я, Паша, родительский дом продавать приехала. Послезавтра покупатели приедут. Сегодня всю ночь проревела. Не тяну я всё, Паша. Дом уход и заботу, тепло сердца любит, а если ему этого не даешь, болеть начинает. Как и мы, бабы. Присаживайся. Давай, Паша, выпьем за встречу. Сколько мы с тобой друг от друга ни бегали, а всё равно один на один остаемся. Да, в каждом возрасте есть свои миражи. Уже и дети в наших семьях выросли, и внуки появились, и семьи не сохранились. А мы с тобой встретимся, обнимемся, напьемся друг другом — и опять по кругу. То ли наша любовь отпустить нас не хочет, то ли мы с тобой стыд и совесть в нашей юности оставили. Так что, Паша, это последняя наша встреча. За нее давай и выпьем.

В глазах Дарьи блеснули слезы. Павел молчал. Молчание оттеняет тишину, а тишина обостряет чувства. Закон эмоций: раз они накопились, обязательно должны выйти наружу. Кто-то когда-то сказал: когда сжимаешь свое сердце, появляются

слезы. Именно они не дают сердцу разорваться. Слезы всегда смывают дурное и несут утешение.

Она подошла к нему. Он обнял ее. Она, почувствовав теплоту его объятий, расплакалась. Что он мог ей сказать? Да и нужны ли ей его слова? Иногда мы бессильны против сложившихся обстоятельств. А любовь, любовь к женщине, бывает сильнее тебя самого. Он поцеловал ее в губы. Снова ощутил мягкость и доверчивость ее губ и сладость, которую она всегда давала его сердцу.

— Откуда в тебе это чертово колдовство? Почему с тобой я испытываю любовь и милосердие? Почему ради тебя готов пойти на плаху? Находясь от тебя вдалеке, я готов убить тебя, забыть, но когда ты рядом, во мне все кипит!

— Потому что ты меня любишь, как и я тебя, не по приказу, не по принуждению, а по велению своих чувств. И эти чувства выше и сильнее нас. Они порою для нас, как живая вода из сказки. Умри, но испей, а испив, оживешь. Я свою духовную и телесную красоту всегда берегла для тебя, как будто этим что-то хотела доказать тебе. Женская красота — одна из радостей мира. Я всегда помнила, что в древности красавицу Фрину приговорили к смертной казни за то, что она слишком часто любовалась своим обнаженным телом. Чтобы спасти ее, защитник на суде сорвал с нее одежду. Увидев красоту обнаженной Фрины, судьи отменили смертный приговор. Я помнила всегда, что мужчина любит глазами, а женщина — ушами, поэтому соблюдала равновесие. Я к красоте тела всегда добавляла красоту ума, но не всегда это показывала или показывала очень тонко.

— Ты точно ведьма. Всю свою жизнь я был душою связан с ведьмой.

— Если я ведьма, ты тогда кто? Пристал на всю жизнь, не отдерешь. Говорят, что любовь имеет свойство превращать чувства в то, в чем мы так нуждаемся. Я, наверное, как раз нуждаюсь в тех словах, которые ты сейчас произносишь. Еще говорят, что внутреннее понятие любви друг к другу дает благодать. Ты меня сегодня благодатью просто осыпал.

— Прости меня. Прости.

— Ты же давно стал мужчиной. Мужчина — это мужество. Я всегда любила в тебе это качество. Не разочаровывай меня. Счастье — это когда я читаю в твоих глазах любовь к себе и чувствую заботу.

В ее поцелуе была Вселенная. Со Вселенной бессмысленно бороться, тем более спорить.

Август

1.

Тот август выдался божественно теплым. Прошел уже давно Ильин день, но вода в реке была по-прежнему восхитительно приятной. Она притягивала к себе обещанием наслаждения. Природа непонятно что творила с августом. Она с радостью отдавала ему и бархатное тепло, и возвышенную красоту, и милый румянец уже почти не летних закатов. Базары были переполнены овощами и фруктами. Сам август чувствовал себя хозяином положения, поэтому стоял золотым величием и вел себя с купеческим размахом.

Взяв отпуск, я уехал в знакомые места, где не был очень давно. Вспомнил, как говорит мой шеф: «Лежать я буду в русской земле, поэтому и исходить ее хочу по-русски — с любопытством, любовью, впитывая ее красоту и получая наслаждение в ее отдаче».

Я впитывал красоту природы, наслаждался ее дарами. В дороге знакомился и расставался с разными людьми по-разному: когда с сочувствием, когда с радостью, когда с неохотой, когда оставлял адрес.

Не так давно случай свел с иконописцем. Он объезжал монастыри и храмы, чтобы увидеть, понять, осознать, почувствовать, преклониться перед ликами Божией Матери. Ибо глаза лика — это опыт и чистота молящегося иконописца. Перед каждою иконой он проявлял смирение и читал молитву. Он сказал мне:

— Бог всегда дает повод для проверки смирения и любви. Проверит и наградит тем, что заслужишь.

Я в религии не понимал ничего. Знания были обрывочные. Однако когда припирало, молил своими словами Бога, крестился. Потом наступало затишье, до следующего раза. На мое признание иконописец ответил с грустью:

— При крещении каждому из нас дается ангел-хранитель. Ты ему, к глубокому сожалению, не помогаешь. Обращаешься к Богу только тогда, когда тебе надо. Разве это не эгоизм? Ангел-хранитель твой от тебя, как и ты от него, ждет помощи.

После нашего расставания я еще долго переваривал в мозгах своих наш разговор. На одном из автовокзалов разговорился с двумя старушками. Одна ехала к человеку, которому было пересажено сердце ее сына. Сын вместе со своей женой погиб в автомобильной катастрофе. Его сердце было извлечено и пересажено другому мужчине. Никто не спрашивал мать, разрешает она это делать или нет. Остался у нее внук. Слава богу, вырастила, выучила. Сейчас служит в «горячей точке». К нему она съездить не может. Чувствует, время помирать пришло. Внука расстраивать не желает. С сердцем сына проститься хочет. Как-никак, а это сердце в ней зарождалось, от ее сердца свой ритм получило. Да, сейчас оно не в груди сына, но порой так позовет, так потянется, так попросит ласки… Душа на разрыв, и сердце тоже.

Молит она Бога, чтобы не оставил он этого человека, по сердцу сыном он ей приходится. Матерям положено за своих детей молиться, вот она и молится. Боится она этой встречи. Еще ни разу с ним не встречалась. Ей надо-то всего — сердце послушать, попрощаться и домой вернуться. Я ей поклонился и пожелал удачной дороги. Сердце матери — это всегда океан милосердия и сострадания.

Другая старушка ехала к монаху отцу Алексею. Этот монах хоронил и отпевал людей без определенного места жительства. Отправлял в последний путь по своему милосердию, по своей любви и доброте людей, которые уже никому не были нужны. Похоронил он и ее сына. Она ехала поцеловать ему руку и побла-

годарить. Для нее он был святой человек. Редко кто из нас может так отдавать себя обездоленным людям. Сила отца Алексея была в верности. Верности любви к Богу.

Затем дорога свела меня с женщиной, которая очень хотела произвести впечатление, ну очень. Я расположился в купе, но не был расположен к разговору, пока она не сказала:

— Мозг женщины на десять процентов меньше мужского. На уровне интеллекта это не сказывается. Зато мужской мозг с возрастом уменьшается намного быстрее женского.

Нельзя было не ответить на прямой вызов. Опыт подсказывал: если женщина поставила мышеловку, то не успокоится до тех пор, пока та не щелкнет. Кто в нее попал или что попало — это другой разговор.

— Я понимаю, мужской слух грубее женского. Поэтому женщина слышит тончайшие интонации, мужчина — лишь иногда. В плане тактильных ощущений мужчина проигрывает женщине всегда. Надеюсь, вы будете вести себя достойно?

Я молчал, ждал продолжения, поэтому только кивнул головой. К тому же, я не знал, что такое тактильные ощущения. Посмотрев на меня веселым взглядом, она продолжила:

— Женщина от природы более коммуникабельна, мужчина — агрессивно-конкурентный. Женщина и раздражается от того, что мужчина не может поддерживать с ней длительный разговор. Да, женщина более говорлива. У нее общительность связана с работой центра удовольствий в мозге. Иногда разговор сродни оргазму. Что молчим?

— Перевариваю слова тактильные и агрессивно-конкурентные.

— Не заморачивайтесь. Если до этого не знали, то и после не пригодится. Лишнее доказательство того, что мужчина воспринимает речь с помощью логики, поэтому слышит в речи только то, что говорится. Женщина подключает интуицию и эмоции, поэтому ей так часто мерещатся намеки.

— Я в основном молчал.

— Разве ваши глаза, жесты, тело ничего не говорили?

— Вам виднее. К сожалению, я выхожу на следующей станции.

— К большому сожалению. Если вам нужна будет одинокая, брошенная кошка, позвоните ей.

Я взял у нее листок с номером телефона и пошел к выходу. На перроне подумал о том, что мой мозг не готов принимать столько информации за раз и притом отвечать сексуально на сексуальный взгляд. Ибо, как бы сказала попутчица, «мужчина быстрее воспринимает информацию, быстрее реагирует, но и быстрее раздражается на отвлекающие дела, а женщина может воспринимать несколько информационных потоков».

2.

Я сидел у реки и смотрел на воду. Недалеко от меня Василий Васильевич готовил уху из пойманной нами рыбы. Я в кулинарные дела никогда не лез и здесь не мешал. Мастер знал свое дело. Вообще с такими людьми надо умничать только тогда, когда тебя спрашивают, а если не спрашивают, сидеть и сопеть в две дырочки. Без тебя всё сделают и в нужный момент позовут. Я этим пользовался с большим удовольствием.

Когда-то с Василием Васильевичем меня познакомил наш общий друг. В тот год проходил через наш городок цыганский табор. Цыгане остановились недалеко от железнодорожного вокзала и начали бурную торговлю. Что они продавали, почем и кому, я уже не помню. Помню только, что было много шума, азарта, крика и разговоров о том, что купили, почем и зачем. Говорили, что, как ни крути, как ни юли, а если с цыганом связался, значит, лопухнулся. Другие мужики ходили гоголем, сами себя нахваливали, себя возвышали, пели себе дифирамбы. Некоторые на их похвальбу отвечали просто: «Если дураком родился, все вопросы не к нему, а к родственникам». Поэтому в перепалку с ними не вступали.

Словом, это было шоу, и ему, хотя бы такому, были рады. Можно было потолкаться среди товара, кого-то обсудить, над кем-то посмеяться, себя показать и на других поглазеть. В конце концов,

все товары были раскуплены — за надобностью или ненадобностью, ради ухарства или азарта. Довольный табор откочевал к реке и встал там на постой. Мой друг Сашка уговорил меня сходить вместе с ним вечером к цыганам. Ничего не сказав ни дедушке, ни бабушке, я отправился с Саней. Он был немного старше меня, как друг был надежен, отзывчив и порядочен. Он умел преодолевать в себе страх, как никто из нас. Себя не давал в обиду и за нас заступался. Еще он красиво обращался с финкой. Финка у него была настоящая. Наши-то были сделаны из напильников. Дрался он всегда жестко, хлестко, целеустремленно, крови не боялся. Вообще, как ни верти, он был лидером. Я не возражал. Мне нравилось, как он умел драться. В этот момент в нем вспыхивала неведомая сила, позволяющая держать удар, терпеть, чувствовать своё превосходство и проявлять упорство. В этот момент мне так хотелось быть на него похожим!

В табор мы пошли, чтобы там его научили драться на ножах. Естественно, не бесплатно. В таборе болел ребенок. На следующий день Санек в табор привел врача — Василия Васильевича. Там я с ним и познакомился. Цыганенка он вылечил, чем завоевал уважение цыган.

Через много лет мы с Василием Васильевичем встретились опять на этом месте. Мы с ним так же сидели на берегу, а Санек в это время врачевал в Чечне. Он мне писал редко, в основном про ребят, которые там воевали. Про их мужество. Про то, что когда копается в их ранах, они, превозмогая себя, терпят. Ему хочется спасти как можно больше ребят. О нехватке медикаментов, воды и вшах. Писал о том, что живут в палатке, спят на носилках, печку топят соляркой. Я хорошо знал, что такое печка на солярке. Про себя удивлялся, как он может оперировать в такой обстановке. Писал Саня о героизме наших солдат, о том, что, несмотря на усталость, грязь, ранения, ребята не выпускают из рук автомат и готовы сражаться дальше.

Я тогда подумал: «Вот она, сила настоящего мужского характера. Девятнадцатилетний солдат имеет такую душевную и физическую стойкость. А как бы я себя повел?». Рассказывал Саня в письме и о том, что приезжал к ним «Материнский комитет».

Одна из матерей увидела своего сына, захотела забрать его с собой. Он наотрез отказался. Александр спросил его: «Почему не уехал?». Он ответил: «По отношению к друзьям это было бы предательство. Трусов я никогда не любил и сам им никогда не буду». Он писал, что этот парень — наш земляк, оренбургский. Как не преклоняться перед ними? Как ему, Сане, не вытаскивать таких ребят из объятий смерти? Какая там открывается глубина души каждого, какая сущность человеческой красоты!.. Задаешься невольно вопросом: куда у многих она девается после?

Санек писал: «Хотя, если честно, бывают разные люди, разные характеры. Некоторые восхищают, некоторые нет. Часто глупость одних ведет к героизму других. Хотя эта фраза говорится матом, пишу тебе интеллигентно. Подслушал нечаянно разговор, один солдат говорит другому: „Бисмарк сказал, что если есть продажная любовь, почему не быть продажной совести?“. Второй ответил: „Это про верхушку. Про нас — у преданной любви преданная совесть. У ленинградцев вообще была талантливая совесть“. Вот так»...

Из воспоминаний меня вывел голос Василия Васильевича. Он предлагал опробовать уху и домашний самогон. Хорошо вот так, на природе, при отличной погоде, при окружающей красоте, отодвинув в глубину души все заморочки, выпить рюмочку самогона и закусить ушицей. Затем почувствовать, как приятно, отзывчиво самогончик пробежал по внутренностям, а затем уха догнала его своим наваром, вкуснотой и ароматом. Поймать понимающий взгляд напарника и разлить опять по рюмочкам наскучавшегося в ожидании самогона. Снова добавить в миску ушицы. Повторить это приятное удовольствие. Почувствовать благодать. И, как говорится, две пить не годится, особенно когда ушица томится, разговор струится, песня голос подать не боится.

Что поделать, любимы моему сердцу эти места. Любимы они своей красотой, неповторимостью и притягательностью. Обожаем напротив сидящий собеседник. Красив наступающий вечер. Сладка эта минута жизни. Может Господь давать нам мину-

ты блаженства и наслаждения, любви и уважения и к природе, и друг к другу. Только часто мы их не по уму и не по назначению разбазариваем.

Василий Васильевич, оглядевшись, произнес:

— Какая красотища кругом! Сердце радуется и душа поет. Когда-то я работал в Тыве. Местные жители говорят: «Если в такие минуты не знаешь молитвы, научись петь. Если не можешь петь, научись играть на музыкальном инструменте». Какое чудесное понимание соединения души и природы.

Василий Васильевич запел. Он пел, потому что просила его душа, хотело сердце. Та боль, что камнем лежала в них, вспорхнула птицей и вместе с потаенной слезой растворились в пространстве. Я просто понял, что это было ему очень надо. Иногда не хотим мы ничего рассказывать. Только мучающие нас чувства доходят до точки кипения и могут нас разорвать изнутри. Это понял не только я. Это поняла и природа. И остановился закат, и влился в голос Василия Васильевича своим бархатным баритоном. Пропустив несколько нот, басом подхватил песню лес, добавила река свое сопрано. Ночь не удержалась и заплакала горючими звездами. Даже я, не имеющий ни голоса, ни слуха, подпевал.

Пел Василий Васильевич о любви к тем, кто никогда не уйдет из нашего сердца. Будут жить они в нас, и наша любовь к ним будет вечной. И для нашей любви не важно, что их физически нет с нами.

Вспомнилась детская сказка о том, как ушли сыновья на войну. Долга ждала их мать, а они всё не возвращались. Годы свои, как ни мерь, как ни сужай, божьей меркой измерены, значит, ему и перемеривать. Обратилась мать к Богу: «Господи, если они живы, укажи им дорогу домой. Напомни, что разрывается материнское сердце от любви к ним. Хочет она увидеть своих детей. Истомилась ожиданием ее душа. Если они погибли, покажи дорогу их душам».

Подумал Бог и создал светлячков. С тех пор огоньки светлячков — это слезы матерей, которые указывают дорогу домой их детям. Маленькие светлячки напоминают всем нам о дет-

стве, о любви. Отдают они непроизвольно свое тепло, и радость, и свое маленькое счастье для того, чтобы люди были добрее и со светлой душой находили дорогу домой.

Мария

1.

Когда она улыбалась, мне всегда казалось, что в ее улыбке испуганно прячется счастье. Никто этого не видел, а я видел. Ее улыбка сводила меня с ума. Она так была похожа на бабочку, беззащитную, трепетную, притягательную и готовую моментально исчезнуть в пространстве.

Когда она улыбалась, я терял голову. Именно тогда она казалась мне самой привлекательной и самой желанной девушкой мира. Я беспокоился, что кто-нибудь еще, кроме меня, увидит эту ее тайну. Друзья говорили, что она привлекательна, но не более того. Я же видел — это маленькое волшебство. Волшебство ее мира, которое она дарила, рассчитывая подсознательно на теплоту в ответ.

После нашего первого поцелуя я понял, что улыбка-бабочка, взмахнув крыльями, улетела. Только улетела не куда-то в сторону, а поднялась вверх, чтобы осмотреться. Поэтому второй раз я целовал ее так, чтобы улыбка вернула свое волшебство, и она его вернула. Какая это была нежность и трепетность! Теперь мои губы знали непомерное счастье первого поцелуя с ответным таинством бабочки.

Нам хотелось быть вместе. Вновь возникшее чувство просто распирало меня. В ее глазах, когда она смотрела на меня, я читал радость. Эта беззаботность счастья кружила нас, как на карусели,

приставив к нашим глазам калейдоскоп встреч, объятий и поцелуев. Счастье первой любви пьянило нас, как пьянит шампанское своей легкостью, головокружением и вкусом беззаботности.

Десятый класс окончен. Она поступила в институт. Я ушел в армию. Ее письма для меня были живой водой. Я их ждал, любил открывать конверт медленно и осторожно и с удовольствием читал. Она умела словами передать то, что было в наших чувствах. Я за это был ей бесконечно благодарен…

Потом она приехала ко мне. Меня отпустили на сутки. Волшебство счастья — это такой фокус, который можно разгадывать всю жизнь и умереть не разгадав. Как солнечное затмение или как падающая с неба звезда, оно притягивает к себе людей. Земная любовь умеет создать такое ощущение чародейства, что, окунаясь в это чувство, теряешь голову. Мы с ней головы свои потеряли давно. А как их было не потерять, когда любовь так насытила наши чувства, как кровь — сердце! Сладость ее тела была божественна. Красота и совершенство форм восторгали взгляд. Тысяча и одна ночь из волшебной сказки слились в одну. Но в какую! Любовь в нашей памяти оставила навсегда свою отметину этой ночи. Она уехала. Я остался служить.

Через месяц ее родители насмерть разбились на машине. Больше от нее писем я не получал. В родном городе она с тех пор не появлялась. После армии я окончил юридическую академию. Это были девяностые. В России творился беспредел. Слова «заказное убийство» и «киллер» стали обиходными.

2.

Моя жизнь, как и жизнь многих, кружилась в водовороте событий бумажным корабликом. Бумажный кораблик хорош тем, что он замечает все маленькие подробности своего маршрута. Плохо, что на него могут запросто наступить. Когда начальство играет с большими деньгами, оно забывает, что дьявол кроется в мелочах. Как писал мой любимый поэт Сергей Есенин,

Лицом к лицу лица не увидать.
Большое видится на расстоянье.

Когда кипит морская гладь —
Корабль в плачевном состоянье.

Кто-то делал головокружительную карьеру коммерсанта. Кто-то шел в депутаты. Кто-то шагал по чиновничьей лестнице. Кто-то становился авторитетом в криминальной среде. Кому-то карта шла на государственной службе. «Ворон ворону глаз не выклюет. Рука руку вымоет»,— говорил народ. Народ знает, что говорит.

Сросшиеся с местной милицией группировки стали активно развивать торговый бизнес. Все бы хорошо, но начались внутренние финансовые разборки. Это привело к потере влиятельных людей. За это надо было отвечать. Но на этом можно было и заработать. Генпрокуратура возобновляла дела против коррупционеров. Чаще всего эти дела рассыпались.

Чтобы я не мешал одному из таких дел, меня, руководителя охраны одной серьезной финансовой структуры, отправили в командировку в Москву. «Поучись оперативной работе, ты же опер. Наберись ума. Приглядись к опыту. Улови умение работы. Пойми суть результата»,— с таким наставлением мой начальник отправил меня в наш Царьград.

Мой новый куратор сразу сказал, что мне не повезло: будем работать так, чтобы штаны рвались между ног, а не протирались на заднице. Мне надо запомнить, что говорил Декарт: «Чтобы найти истину, каждый должен хоть раз в жизни освободиться от усвоенных им представлений и совершенно заново построить систему своих взглядов. Избирать немилость там, где повиновение не может принести чести». Никогда не огорчаться тем, что снизу гадят мелко, а сверху — крупно. Сейчас мы живем по системе фельдмаршала фон Шлиффена: «Побеждает только тот, кто не боится совершать насилие, и победа тем более обеспечена, если противник избегает насилия». Казаки-первопроходцы говорили: «Сабля рождает власть». Боксеры: «Не можешь перебоксировать, перебей». Что и делалась по всей стране.

Мы начали работать. У этого опера было чему поучиться. Я учился. Однажды на его столе я увидел папку. Перехватив

мой взгляд, он сказал: «Почитай. Я думаю, тебя это заинтересует. Тем более что на следующей неделе твоя командировка заканчивается». Я открыл дело. С фотографии на меня смотрела моя любимая женщина. Только вместо прежней улыбки губы были плотно сжаты, во взгляде читалась решительность. Имя и фамилия были другие. Из дела выходило, что она была мозгом преступной группировки, фактически возглавляла банду. Кличка — Боль. Полсотни грабежей, краж, налетов, вымогательства и недоказанные убийства. Она умела ювелирно руководить своей бандой. Она не провалила не одного задуманного дела. Она была знакома с авторитетами. Ее воровская биография началась с кабака. Она там пела и играла на саксофоне, заодно была наводчицей. Всегда просила не делать клиенту больно. Так и заработала свою кличку. Она не была и не стала «марой», «раскладушкой», «соской».

Однажды ей улыбнулся фарт. Обняв его, она больше не выпускала его из своих объятий. Этот случай принес ей бойкие деньги. Бойкие деньги позволили сладкие поступки. Она понимала, что фарт фартом, но всегда и везде нужна голова, трезвый и холодный расчет, только свои преданные и проверенные люди. Еще надо иметь в душе, как молитву, силу духа и жажду жизни. Никогда не терять обаяния и очарования. Развивать и развивать интуицию. Не рисковать ни под каким предлогом. Идти только на «верняк».

Боль понимала, что она женщина, с нее спрос особый. Поэтому утверждалась постепенно, не спеша, тихо, но беспощадно. Она умела собирать волю в кулак и опиралась только на того, кому верила. Умела слушать, анализировать, делать выводы — и побеждала. Она знала, что главное — оставаться верной самой себе. Она погибла при странных обстоятельствах.

Я закрыл папку и долго смотрел в пустоту. Ближе к вечеру открылась дверь, зашел мой куратор:

— Слушай меня внимательно. Мы с ней договорились о помощи друг другу. Она чувствовала, что ей осталось немного. Она помогла мне. Я обещал, что помогу ей. У нее есть младшая сестра и дочь. Пока она была жива, заботилась о них. Чтобы их

не нашли, сменила им фамилию. Дочь — твоя, от тебя, так она мне заявила. Я свое обещание выполнил.

Я смотрел оперу в глаза.

— Что дальше? — спросил он.

— Дальше — я забираю дочь с собой.

— Молодец. От меня ты чего хочешь?

— По-прежнему работать в охране.

— Если ты мне доверяешь, значит, и я тебе доверяю. Я из тех, кто еще ценит мужское доверие. Время покажет, чего мы стоим на самом деле.

Я вспомнил своего сына. Он с детской наивностью рассказывал мне, как однажды увидел, что дождик свои капельки надел на цветочки и превратил их в бусы. Эти капельки-бусы, переливались на солнце всеми цветами радуги. Цветочки были радостные и счастливые. А потом всё это куда-то делось. Он меня спросил: «Папа, почему так случилось?» Я ответил, что каждая капелька умеет разговаривать с другой капелькой и с цветочком. В жизни всегда наступает момент, когда нас ждут перемены. Тогда, собираясь в дорогу, мы прощаемся с прошлым, чтобы постигнуть новое. Так и капельки по велению солнышка отправились дальше. Главное, чтобы они не превратились в слезы.

Прогулка

1.

Жара стояла несусветная. Было ощущение, что этот город маленьким верблюжонком присосался к вымени-солнцу и высасывал жару, будто молоко, и всё не мог насытиться. Солнце кормило его, как кормит верблюдица свое чадо перед дальней дорогой. Дорога проверит и силы, и выносливость, и упорство. Главная же цель верблюдицы — для этой борьбы дать силы.

На самом деле жара, степной ветер, «пыль, да комары, да мухи» проверяли людей на выносливость, силу, упорство. Через несколько дней пребывания в городе он оценил эту шутку: «Лучше Северный Кавказ, чем Южный Урал». Он как раз приехал с Северного Кавказа на Южный Урал, где и продолжил свою ссылку в городе Оренбурге.

Пятигорск, откуда он прибыл, представлял собой небольшой городок. Домов на всех не хватало. Приезжавшие на воды останавливались в собственных экипажах, в военных палатках или в кибитках. Природа и климат Пятигорска отличались от тех мест, где ему теперь придется находиться.

Оренбург был намного культурнее. Здесь уже был Главный музей местных произведений природы. Работала типография. Была почта и почтовый тракт. Действовал водопровод из лиственничных стволов с выжженной сердцевиной!

Все это было хорошо, но, как ни крути, Оренбург — не Петербург и не Москва. Александр Александрович думал о пересмотре своего отношения к жизни и к людям, об изменениях в них и о своей ненаблюдательности, о своих срывах. Он прекрасно знал, что во избежание срывов нужно гасить в себе эмоциональные взрывы. Учиться развивать свой мозг, а не сковывать его устойчивыми понятиями. Только не всегда это получалось.

Жара баловалась своей свободой, как капризная барыня. «Я так хочу, значит, так и будет». Незримо топнув ножкой, добавляла: «Смотрите у меня!». Нельзя сказать, что в жару голова прекращает работать, нет. Ему, офицеру, было не положено расслабляться в любых условиях, а тем более показывать свою слабость. Честь превыше всего, даже смерти. Только в жару лень прижималась к телу, становилась навязчивой дамой и без церемоний требовала внимания.

Он услышал мелодию колоколов. Она подняла его над жарой, над заботами, над прошлым. Эта мелодия возвысила его, дала снова понять, что бывает слабость тела, а не души. Рядом запел нищий:

— Любо, любо жить и нельзя мне слабым быть. Господь смерть преодолел, да и мне терпеть велел. Подай, барин, копеечку, водички испить.

Он подал и пошел дальше. Шел и думал, что не зря он слушает здесь, в Оренбургской губернии, песни, мелодии, наигрыши татар, туркменов, башкир, казахов, киргизов, русских казаков, украинцев. Не все песни живут в веках, а только те, которые цепляют, рвут душу, углубляют и нежат любовь, дают надежду и укрепляют веру. Недаром запоет один человек, а подхватят сотни других. Это песни их жизни, их сердца, их понимания. Да как поют! На разные голоса, то со смехом, то со слезой, то с болью, то с поклоном. Говорят и приговаривают: «Широка ты, степь-матушка, да человеческая душа еще шире». Он в тюрьме написал своего «Соловья» на стихи Дельвига, «Зимнюю дорогу» на слова Пушкина. Да, у него есть достойные произведения. Им можно, хвалясь, порадоваться. Теперь, впитав в себя музыкальные истоки оренбургского края, он напишет новые произведе-

ния. В них продолжит жить вместе с его душой душа народа. Будут стучать в унисон их сердца. С любовью обнимутся их чувства. Без любви нет вечности. Спасибо Петру Иличу Чайковскому, который напишет: «Я не могу без слез слушать «Соловья» Алябьева»! Он понимает: лениться нельзя. Не зря в народе говорят: «Лень губит, за нее Бог осудит».

Музыка есть музыка! Работая вместе с нею, получаешь то живительное пространство, где мозг, душа, сердце слышат глас Божий, который тебя наполнит, просветлит, укрепит. Музыка — это сочинение чувств через ноты, таким способом, чтобы Бог, обняв тебя незримо за плечи, дал почувствовать, что его объятья не нуждаются в словах. Слова скажут люди. Не случайно у древних арабов около больниц собирали музыкантов. Музыка — это и добрые чувства, и просветление печали, и разрядка эмоций, и снятие усталости, и разжигание огня в сердце. Еще музыка — это полет чувств. Значит, человек может летать и подниматься своими чувствами туда, где Бог подправит ему невидимые крылья и даст совет.

Когда человек испытывает большое горе, он молчит. Он не хочет ни разговаривать, ни советоваться. Мудрецы говорили: «Малая печаль говорит, большая — безмолвна». Музыка и должна дать то прикосновение, после которого светлеет душа. Поэтому, когда приходит вдохновение, оно может обернуться и просящей нищенкой, и величественной королевой, и любимой тетушкой, и надоевшей соседкой, и прекрасной женщиной. Вдохновение может приходить в любом обличье, разными шагами. Главное — услышать его поступь. Уловить его настроение. Почувствовать его волю. Понять, как все это соединить с нотами, как найти в чужих душах желание все это слушать. Этой музыкой заставлять любить или ненавидеть, сочувствовать или отвергать, приветствовать или прощаться, исцелять и облегчать боль души.

Надо работать. Порою музыка должна быть точна, как выстрел дуэлянта. С чувством дыхания и биения сердца. Сочинять песню или жить для песни — вот в чем вопрос. Надо помнить, что человек, умеющий петь или играть на музыкальном инструменте, становится волшебником.

2.

Исполнять мечты — это путь, на котором часто кладешь не только свою жизнь, но и жизни других. Это давно известно. Приобретение и продолжение прекрасного и красивого требует непомерных усилий, преодоления нечеловеческих нагрузок, божественной стойкости. Понимание и выполнение простой истины — гармонии мира — зависит от тебя и дается всегда нелегко.

Слава Богу, что здесь, в Оренбурге, ему помогает и принимает непосредственное участие в его жизни военный губернатор Василий Алексеевич Перовский. Воистину великий человек. Знает несколько языков. Любит музыку и разбирается в ней, а еще в поэзии, живописи. При своей канцелярии образовал прекрасную библиотеку. Где надо, волевой, твердый, знающий свои цели и пути их достижения. Приятный собеседник. Человек, живущий мечтой, как лучше развить и обустроить оренбургский край. Он, Алябьев, и сам служивший когда-то под командованием Дениса Давыдова, знает не понаслышке, что такое воинская служба. Как говорится, форма красна, да жизнь тяжела, может случиться, что Богу некогда будет помолиться…

Живет в его сердце сокровенная тайна любви к женщине. Есть женщины, которые так могут запасть в твою душу, так ее растревожить, что волей-неволей спросишь у Бога: «Господи, ответь мне, это счастье или наказание — так любить женщину?». Как наши русские женщины умеют душевной силой, красотой своей любви, теплотой чувств поддерживать нас, исцелять наши душевные раны! Или наоборот… Сказал однажды при такой же вот городской прогулке один знакомый: «Я бы золотил купола церквей в благодарность Богу только за то, что он дал нам женщину». Недаром говорится в Соломоновых притчах: «Очень трудно найти совершенную женщину, но цена ее превышает драгоценности. Она и сильна, и уважаема всеми, она говорит мудро и знает наставления мудрые, она не ленива, заботится обо всем доме, дети говорят о ней хорошо, муж хвалится ею». Хотя самого Соломона женщины подвели…

Александр Александрович Алябьев гулял по улицам и переулкам города Оренбурга и размышлял о своем. Жизнь рано или

поздно заставляет размышлять и о ней, и о себе. Главное — нужно, как говорится, попасть в яблочко и найти именно то решение, которое будет единственно правильным. Каждая нота имеет свой звук, но как важно, чтобы твоя мелодия была в гармонии со Вселенной!

Промелькнул у него в голове сказ, услышанный от одного казакя. Якобы когда Пугачев пошел на Казань, оставил он в потайном месте казацкую сотню. Долго молился он святому Георгию, архангелу Михаилу, святому Петру, Николаю Угоднику про заботу об этой сотне, да так, чтобы в трудную минуту она могла всегда выйти на помощь православным и постоять за Русь-матушку. Согласились святые. Да и усыпили и казаков, и их коней. Недалеко выкопали яму, обложили ее, в ней повесили церковный колокол. Как только начнут казацкие кони землю топтать, на войну собираться, так сразу зазвучит от их копыт колокол. Тогда проснутся казаки и пойдут на помощь своим сыновьям и внукам. Это навсегда. Не может перевестись казацкий род, пока есть память, и пока в засаде казацкая сотня. Это будет вечно! Недаром говорят: «Оренбургский казачий род тем и богат, что никогда не уйдет в закат».

«Наверное,— подумал Александр Александрович. Вспомнил к тому, что должен сказать: — Музыка вечна. Даже если земля прекратит вращаться, музыка будет вращать Вселенную. Исповедь музыкой существует для того, чтобы ты ничего и никогда не делал против жизни».

Капитанская дочка

1.

В канцелярию зашел дневальный.

— Разрешите обратиться, товарищ майор?

— Обращайтесь.

— Вас вызывает генерал. Место сбора — штаб. Время сбора — одиннадцать ноль-ноль. Разрешите идти?

— Идите.

Когда тебя вызывает генерал, это ничего хорошего не сулит, если, конечно, тебе не присваивают новое звание или не вручают государственную награду. Якорев знал точно: ни то, ни другое ему не только не светило, но даже не мерцало.

Около дверей штаба он столкнулся с майором Ульяновым.

— Ты чего сюда прибыл?

— Генерал вызывает.

— Меня тоже.

Через две минуты они стояли перед генералом. Генерал внимательно посмотрел на них.

— Так. Подстрижены, побриты, отглажены, недурно пахнете. Неплохо. Майор Якорев, доложите мне, о чем говорит приказ министра обороны за номером…

Он назвал номер, число и год выхода приказа. К счастью, Якорев приказ этот знал, доложил четко и конкретно. Генерал

никак не отреагировал на его доклад. Посмотрев на Ульянова, он задал такой же вопрос и ему, только номер приказа был другой. Они оба мысленно отметили, что генерал к этой встрече готовился, а это означало, что ничего приятного ждать не приходилось. Ульянов четко ответил на поставленный вопрос. Генерал, с интересом посмотрев на них, сказал:

— Или я, к счастью для вас, назвал документы, которые вы случайно знаете, или вы действительно изучаете документы не задом, а головой.

Ясности для Ульянова с Якоревым не прибавилось.

— Вы едете в командировку,— заявил генерал.— Пришла срочная телефонограмма. Едете в распоряжение генерал-лейтенанта...— Он назвал должность, фамилию, имя и отчество.— Вы его знаете. Поэтому предупреждаю: не дай бог вы вернетесь раньше времени, да еще и с выговорами. Вы знаете его любимую поговорку: «В озере щука, чтобы карась не жирел». Последнее время журналисты пишут о том крае, куда вы направляетесь, всякие непонятки: то там у них НЛО летают, то временны́е порталы открываются, то люди из деревень пропадают. Только журналистов этих никто никуда не забирает. Ульянов, смотришь за Якоревым. Якорев у нас имеет склонность к авантюрам. Я не удивлюсь, если его потянет на приключения. А мы потом тут будем гадать, был он у инопланетян — не был. Вот только почему он улыбается и пузыри изо рта пускает? Никаких временных порталов. Якорев, я не хочу, чтобы ты появился передо мной в доспехах Ильи Муромцева и начал рассказывать о доблести наших предков. Поэтому никаких шаманов, никаких озер с динозаврами и ящерами, никаких покинутых деревень. Никаких пьянок в незнакомых местах с незнакомыми людьми. Вылет завтра в девять ноль-ноль, время местное. Показывайте свои знания, смекалку, находчивость, выдержку. Прежде чем о чем-то доложить или написать, семь раз подумайте, ибо что напишете или скажете, то о вас и думать будут.

В самолете было холодно, особенно мерзли ноги. У Якорева был большой подъем ноги. Как говорили женщины, такому подъему любая балерина позавидует. Балерины, может, и поза-

видуют, а ему одно неудобство. Сапоги не лезут на ногу. Даже в суровые холода он их носил на капроновый носок. Генерал-лейтенанта Якорев не боялся, он уже работал под его командованием и относился к нему с глубоким уважением. Генерал был фронтовиком, а они, фронтовики, имели печать смерти, и это им давало право на многое. Генерал был требователен, но не злобен и мстителен. А порядок всегда есть порядок. Генерал отвечал за свой участок работы, и эта работа должна была выполняться только на «отлично». Он знал, что такое война и к чему приводит непонимание, неуспевание, расхлябанность, несообразительность. Якорев у него учился, и слава богу, что есть люди, которые умеют учить.

На третьи сутки они достигли места дислокации. Зашли на КПП, представились дежурному. Дежурный отметил их в каком-то списке.

— Сейчас уже поздно. Никого нет. Давайте идите в казарму, располагайтесь там. Утром начальство скажет, что и куда. Вы у нас первые. Остальные, видно, еще плутают.

— Почему в казарму? Вот этого майора я заберу с собой.

Якорев и Ульянов обернулись. Перед ними стоял улыбающейся майор.

— Игорь, как я рад тебя видеть!

Якорев, сделав шаг навстречу, обнял офицера и повернулся к Ульянову:

— Познакомься.

Ульянов протянул руку:

— Владимир.

— Сергей.

— Игорь, у меня дед в отъезде, в доме никого нет. Дом недалеко. Ключи при мне. Пошли,— предложил Сергей.

Игорь посмотрел на Владимира и кивнул:

— Пошли.

Дорогой Сергей сказал:

— У меня к вам просьба: кормите собаку и кошку, вечером топите печь. Справитесь?

— Справимся, не впервой,— ответил Якорев за двоих.

— Банька у деда чудная. Сегодня я протоплю, а затем вы сами. Припасы в погребе, спирт и самогон тоже, — обрадовал Сергей.

Дом оказался действительно домом, да еще каким. Во-первых, все было под одной крышей. Во-вторых, во дворе был пол. В-третьих, все было выверено и загорожено так, что ветер обходил строения, словно неприступную крепость. Сергей сказал, что бояться им нечего: ни мышей, ни крыс здесь никогда не водилось. При постройке дома засыпался песок, и это не позволяет грызунам копать норки — они сразу рушатся. Дом может скрипеть, объяснял Сергей, потому что когда топят печь, воздух нагревается, и дом расширяется. Когда теплый воздух охлаждается, дом сужается, тем самым сохраняя тепло. Поэтому и топят дом раз в сутки. Дом знает свою работу и добросовестно ее исполняет.

Собака оказалась лайкой, она и дом сторожила, и ходила с дедом на охоту. Кошка оказалась очень крупная — такая, если ночью ляжет на грудь, точно удушит.

Сергей быстро накрыл на стол. Как положено, выпили за встречу, за родное училище, за родителей, за тех, кто воевал.

— Сережа, как-то нехорошо, что мы дедовы припасы едим,— произнес Якорев.

— Он не обидится, у них, старых охотников, обычай есть оставлять для бедолаг еду и спички. Ты лучше скажи: с шаманом познакомиться не хочешь? Я помню, ты всегда любил запоминающиеся встречи.

Ульянов испуганно посмотрел на Якорева и помотал головой:

— Даже не вздумай.

Якорев, улыбаясь, спросил:

— Серега, а что тут у вас с инопланетянами?

— Ты знаешь, какие-то шары летают. Интерес у нас с ними друг к другу обоюдный, но нас на всякий случай проинструктировали. Захочешь, свожу в одно место.

Ульянов, оборотясь к Якореву, спросил:

— Зачем тебе это?

— Хочу посмотреть, как инопланетяне пьют водку. Как в бане парятся. Сколько раз делают подъем переворотом, как ходят строевым шагом.

— Понравится им с тобой водку пить, в баньке париться, подъем переворотом делать, строевым шагом ходить, мы же их потом с Земли не вышибем,— задумчиво произнес Ульянов.— У тебя не та стратегия. Лучше временной портал. Там напился, здесь протрезвел.

2.

За военными делами быстро пролетели полторы недели. Как-то раз вечером к ним зашел Сергей с подполковником из Ленинграда. Сергей истопил баню. Хорошо попарившись, сели за стол. Посидев за столом, решили добавить. За самогоном в сарай отправили подполковника. Прошло порядочно времени, а его все нет. Народ забеспокоился.

— Он что там, заблудился?

— Надо посмотреть.

В это время открылась дверь, и на пороге появился подполковник с окровавленной головой.

— В меня стреляли,— выдохнул он.

У всех хмель выдуло моментально. Ульянов спросил:

— Инопланетяне?

— Не знаю.

Якорев вскочил:

— Кто слышал выстрел? Инопланетяне вроде не стреляют!

В ответ — тишина. Через две минуты они были одеты по полной форме, тем самым показывая, что готовы выполнить любую поставленную перед ними задачу. Сергей начал оказывать помощь подполковнику. Игорь и Владимир пошли осматривать место происшествия. Все выяснилось почти сразу. Возвращаясь с бутылкой самогона, подполковник наступил на грабли, получил удар в лоб, упал и, падая, о доски поцарапал голову.

— С инопланетянами контакта не будет,— радостно сказал Ульянов.

За Ульяновым Якорев был как у Христа за пазухой. Это был душа-человек.

На следующий день, подходя к дому, они еще издали увидели свет в окошках. Осторожно открыли дверь и вошли в дом.

За столом сидел старик. Напротив — собака и кошка. Они внимательно смотрели на старика. Тот им выговаривал:

— Как вам, женщинам, можно доверять? Оставил вас на несколько дней, а вы уже в дом чужих мужчин пустили. Я вас сторожить дом оставил, а не делать из него вертеп. Вот так корми вас, пои, а благодарности никакой... А вы что замерли около двери? Или думаете, я вас не почувствовал? Зря,— сказал он Якореву с Ульяновым.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте. Раздевайтесь, ужинать будем. Меня можете звать Петром Андреевичем или просто дедом Петром.

За ужином выпили за знакомство, за хозяина дома, за взаимопонимание. Потом Владимир пошел спать.

— А ты чего не идешь? — спросил дед у Игоря.

— Я вам прибраться помогу.

— Сам справлюсь.

— В четыре руки сподручнее.

— Как знаешь. С Сергеем где познакомились?

— Учились вместе.

— Откуда приехали?

— Из Оренбурга.

— Далековато. Бывал я в Оренбурге. Попал туда после Прохоровки. Весь обгорелый был.

— Вы воевали?

— Воевал, танкистом. Молодой я тогда был, на фронт все рвался. Взял да приписал себе два годка и ушел в шестнадцать. В эти годы Гайдар полком командовал, а я пошел рядовым. Сильным был, выносливым, меня и взяли. Так что посетил я первый раз город Оренбург в семнадцать лет, хотя по документам мне было девятнадцать. Конечно, сослуживцы мои догадывались, что здесь что-то не так, но я был как броня, а после ожогов уже и не спрашивали. Видно, за детскую мою шалость берег меня Бог. Не мог он мне позволить умереть в семнадцать. За это и ему, и врачам большое спасибо. Когда танк горит или взрывается, или когда болванка, сброшенная с самолета, пронзает его, документов не спрашивают. Вера была, что должен я дотянуть до тех годков, которые в документах.

Немного помолчав, дед неожиданно сказал:

— Красивые девушки у вас в Оренбурге.

— Конечно красивые.

— И душевные!

— И душевные.

— Не зря первый космонавт планеты именно из Оренбурга жену взял. Вольф Мессинг говорил: «Хорошая жена — лучшее благословение». Кто женился, тот изменился. Все зависит от того, какой ты стал, счастливый или нет. Результат налицо. Первый космонавт. А жена его тогда — женщина звезд.

За такое нельзя было не выпить.

— Ты знаешь, сначала я лежал в центральном вашем госпитале. Затем меня перевели, — дед начал описывать место и здание.

Якорев понял, что это была его родная школа.

— Петр Андреевич, там потом школа была № 1, я в ней учился, а сейчас сельхозинститут. Может даже, я учился в том классе, где была ваша палата.

— Все может быть. Смотри, как устроена жизнь: за тысячи километров мы, люди разных поколений, встретились и вспоминаем дом, где одного лечили для войны, а другой получал знания для мирной жизни. Поклонись от меня Оренбургу.

— Приеду — обязательно поклонюсь.

— К нам в госпиталь приходили дети для поднятия нашего морального духа. Запомнилась мне одна Маша. Ее все называли Капитанской дочкой. Фамилия, имя, отчество были у нее, как у Пушкинской капитанской дочки: Марья Ивановна Миронова. Оказалось еще, что отец ее был капитаном-артиллеристом и погиб, защищая Родину. Было ей лет десять-двенадцать. Она каждый день приходила к нам в госпиталь, читала стихи, пела, выносила утки, помогала перевязывать, всегда читала нам главы «Капитанской дочки» — наизусть, по памяти. Как она читала эти главы! Будто в окне видела счастье, и это счастье должно было коснуться каждого из нас, независимо от того, верим мы в него или нет. Может, это была вера в то, что ее отец не погиб, а тоже лежит в каком-то госпитале. Может, это была вера в свое детство, которое досталось именно таким, пришлось на воен-

ную пору, значит, и дети должны быть сильными. Они и были такими. Она будто чувствовала какое-то свое право на нас, на Пушкина, на «Капитанскую дочку». Она передавала своим голосом и мысли Пушкина, и чувства Пети Гринева и Маши Мироновой. Девочка с роскошным детским голосом, венчающая любовь и литературу с нашей душой. В ней была детская слеза любви, веры, надежды. От этого всего по телу бегали мурашки. Хотелось прижать к себе этого ребенка и погладить по голове даже мне, семнадцатилетнему парню, не говоря уже о взрослых мужчинах. Она была победительницей! Нельзя было нам проиграть войну с такими детьми. Надо мной посмеивались, говорили:

— Повезло тебе, Петя, смотри не упусти. Ты приглядись: война кончится, ты поправишься, она подрастет, и будет у тебя своя Марья Ивановна Миронова.

Я отмалчивался. С ней я понимал, что не могу быть слабым, что я именно тот, кто должен защитить ее сердце. Наше одиночество растворялось в ней, как растворяется слеза в родниковой воде после умывания, и остаются чистота и свежесть. Я не знаю, что говорил ей Бог, но что он ее целовал, это точно. Ты знаешь, если бы я был скульптором, то поставил бы памятник Марье Мироновой и Петру Гриневу, их любви, надежде, вере, а значит, и Пушкину. С нашей Машей мы понимали, что не можем щадить себя. Если у наших детей такая вера в нашу победу, в нас, в нашу правду, мы должны, обязаны, несмотря ни на что, добыть это победу! Нельзя предавать или отстранять такую любовь, такую веру и такую надежду. Понимаешь? Нельзя выплюнуть душу! Если все же выплюнул, ты уже не человек. Ты читал «Капитанскую дочку»?

— Читал. В школе.

— Перечитай.

— Обязательно.

— Пушкин Александр Сергеевич был верующим человеком, потому «Капитанскую дочку» надо читать немного не так, как нам преподавали. У него ярко выражается возвышение духа над телом. Самопожертвование ради торжества истины.

Любовь. Вера. Надежда. Все люди связаны содействием друг с другом. Все их действия отражаются на личности тем или иным способом и переходят в другие формы. От рождения человек несет в себе часть биологического богатства, а затем воспитание, окружающая среда, опыт старшего поколения усваиваются и обогащаются собственным жизненным опытом. Мы получаем от встреченных нами людей знания и энергию, которые питают нашу душу и участвуют в нашем совершенствовании. Пушкин показал, что ум в сердце от Бога, милосердие от Христа, добродетель от Святого Духа, а разум приобретает сам человек. Он показывает, что за тебя кто-то должен молиться, если ты не делаешь этого сам. В час смерти надо увидеть хоть одно сочувствующее тебе лицо. Все встречи и разговоры — это познание, которое освежает разум и дает работу уму. В «Капитанской дочке» надо следить не только за сюжетом, но и за смыслом, за знаниями, красотой слога, за подбором слов, за отношениями любящих, спасающих и верящих друг в друга Марью и Петра... Я смотрю, ты засыпаешь. Иди спи.

— Нет, нет.

— Иди. Спать осталось два часа.

3.

В части их вызвал к себе генерал. По пути они встретили Сергея.

— Я смотрю, вы с дедом не только познакомились, но и хорошо посидели.

— Кто у тебя дед?

— Профессор, бывший.

— Предупреждать надо.

Генерал сидел за столом. Якорев с Ульяновым, войдя, остановились у двери.

— Так, через два часа отправляетесь в город Мары. С вами поедет еще один майор из города Кунгура.

Его взгляд задержался на Якореве, затем перешел на Ульянова и снова на Якорева.

— Якорев, пил?

— Никак нет.

— Почему врешь?

— Так вы экспертизу делать не будете, а признаться — значит, сразу стать виноватым.

— Наглец. Но стоишь твердо. Держишься бодрячком. В вашей группе старший — майор Ульянов.

«Да кто бы сомневался?» — подумал Якорев.

— Идите.

— Есть.

Закрывая дверь, они услышали вопрос полковника, начальника штаба части, генералу:

— Как будем наказывать?

— За что?

— За пьянку.

— Какую? У нас есть доказательства? Признание? Свидетели?

— Нет.

— Чего тогда задаем глупые вопросы? У нас в стране что — сухой закон?

— Нет. Но вчера...

— Не нукай, не запряг. Вчера это было вчера, факт налицо. А сегодня одни догадки.

Якорев шел и вспоминал слова деда: «Ищут Грааль, и не одно поколение, а для меня Грааль — это отношение людей ко мне. Христос пил из него на Тайной вечере. Я пью познания людей каждый день и тем счастлив. При этом всегда помню, что есть не только застолье, но и Голгофа. Тебе повезло, ты живешь в тех местах, где рождался смысл великого произведения — “Капитанской дочки”».

По приезде в Мары Якорев первым делом пошел в книжный магазин и купил «Капитанскую дочку» Александра Сергеевича Пушкина.

Аист

1.

Отец, немного выпив, любил рассказывать о том, как он, молодой красивый лейтенант, отправился на место службы. Место его службы располагалось в красивейших местах. С чистыми реками, соснами великанами, с удивительным зверьем. Как поется в песне, «зеленое море тайги». Только вертолетом можно долететь. Это того стоило. Мы, молодежь, привыкшая к благам цивилизации, не ощутим никогда той прелести, тех сказочных чувств и красот, в которых жили они с матушкой. Как только матушка окончила медицинский институт, отец, несмотря на все трудности, прилетел за ней и увез в эту неописуемую красоту. В эту таежную сказку чувств и взаимопонимания. Там у них из симпатии к друг другу родилась и продолжает развиваться по сей день их любовь.

Один раз матушка не выдержала. Что на нее подействовало, неизвестно. Она жестко молвила, чтобы он, сказочник, заткнулся и не морочил детям голову. Да, действительно, он приехал, наврал, как сейчас, девчонке с три короба и увез с собой.

— Говорила мне ваша бабушка: «Романтика хороша ненадолго, во время отпуска, в короткой командировке. Тогда все это интересно. В остальное время она превращается в выживание». Большая глупость — не слушать своих родителей. В конечный пункт прилетели в самом деле на вертолете. Это оказалось как

раз то место из анекдота. Молодого лейтенанта доставляют в часть, вертолетчик зависает в пятнадцати метрах над землей и спрашивает лейтенанта: «Прыгать на стог сена будешь или на сосну?». «Ниже нельзя?» — «Нельзя. Будет перегрузка. Слишком многие сесть захотят». Когда мы прилетели, приводит он меня в какой-то сруб...

— Не в какой-то, а в пятистенный.

— Хоть в семи. Печь на дровах. Вода на улице, в колодце. Туалета нет. Зачем он нужен, если за домом тайга? Это мне, городской девчонке, окончившей с отличием медицинский институт, получившей специальность хирурга, предстояло все принять, переварить, освоить. Заставила его выкопать яму, поставить туалет. Сделать нормальные дорожки. Поправить колодец. Разобраться с печкой. Дальше пришла осень. Не круши меня, кручина, и не мучь меня, тоска. Вот тогда мамочка и вспомнилась, и ее забота, и ее наставления. Вертолеты не прилетали. Вообще-то они прилетали, но очень редко. Хочешь не хочешь — запоешь: «Любовь, зачем ты мучаешь меня?». Кое-как освоилась. Поняла, что профессию могу потерять. Помогла жена командира. По моему рисунку сделали из дерева человека со всеми внутренностями, которые можно было и закреплять, и отделять. Я по нескольку часов, стоя, проводила операции по книжкам, которые, слава богу, взяла с собой. Тренировала руку, глазомер, память. С женой командира очень сдружились. Она была бывшая спортсменка, биатлонистка. Она меня и на лыжах ходить научила, и стрелять. Мы с ней часто на охоту ходили. Хорошая женщина. Воистину та, в ком живет широта и любовь русской души. Она нам и перебраться на другое место службы помогла. Отец вон якает. Я лучше него стреляла. Мы с ней всегда первые два места брали, остальные доставались мужчинам.

— Что правда, то правда.

— Выходит, в секцию стрельбы вы меня отдали по зову своей крови? — спросил я.

— Ты сам захотел. Вспомни, как нас уговаривал.

— Помню, помню. Тренер у меня отличный — Александр Николаевич Пасечник. Я до сих пор его стихи помню.

Меткий выстрел, mon ami.
Делай так: равняй и жми.
Да не жди его, работай, сам он выстрелит, пойми!
Это правда, а не ложь.
Спуск не дергаешь, а жмешь.
Если палец давит плавно, непременно попадешь.
Всяк запомни, коль не лень:
Меньше пялься на мишень.
А вот мушечку в прицеле разгляди, как в ясный день.
Пусть качается рука —
То не горе для стрелка,
Мушка в целике чуть дрогнет — пуля хочет «молока».

— Вот молодец. А ваша мама, вместо того чтобы детей рожать, по тайге бегала. Белку в глаз била для своей шубы. Как же! Ведь жена офицера должна в шубе ходить.

— По первому вопросу: надо самому было стараться, а не водку с сослуживцами хлестать. По второму: если муж не может одеть жену, ей приходится делать это самой.

— Хитрила ты что-то. Свои медицинские хитрости применяла. Мне всегда рот закрывала: мол, во мне творчества нет, созидательного процесса, ощущения величия понимания, что должно происходить со мной и с тобой в этот момент. Послушаешь — не женщина, а настольная книга по созданию детей. Только сама не рожала.

— Я же тебе родила. Смотри, какие красавцы. И родила с романтикой. Так сказать, продолжаю романтику любви, в которую ты меня завлек с первых дней совместной жизни. Из тайги перебрались в Белоруссию. Другая жизнь. Цивилизация. Другой климат. Но у нас опять изба. Печь. Дрова. Зола. В колодце вода. Правда, на работу устроилась по специальности. Счастлива была. Только в каждой семье наступает момент, когда надо сесть за стол и задать всего один вопрос: «Ты меня любишь?». Такой момент наступил и у нас. Сели мы за стол друг против друга, посмотрели друг другу в глаза, заглянули в себя, перебрали в себе всё нужное и ненужное и спросили друг друга: «Ты меня любишь?».

— Тебе, мам, романы надо начинать писать. Отца ругаешь, а сама как завернешь, хоть конспектируй, — вздохнул я.

— Ты и конспектируй. Материнское слово всегда пригодится. Всё, сбил меня с мысли, больше говорить не буду.

— Я дальше расскажу, — вступил отец. — Зря ты мать перебил. Всё так и было.

После этих слов отца мать заплакала. Ее слезы всю душу во мне перевернули. Может любимая женщина сделать так, что мы никогда и не подумаем, что можем так перевернуться.

— Утром, когда она меня провожала на службу, — продолжил отец, — вышли мы во двор и увидели белого аиста на крыше. Тут же услышали голос соседки: «Ты посмотри, три года не прилетал, а это на тебе — явился. Да еще с утра вас встретил. Видать, с сынком вас скоро поздравлять будем». «Почему с сынком?» — спросил я. «Да потому, что когда девочка, не так он смотрит, не так клюв держит, не так песни поет. Не спорьте. Я пятерых родила. Верь не верь, божья птица ремесло свое твердо знает и приметы твердые дает». Оказалась права хозяйка. Родился ты у нас. Назвали Александром. Если оставить только заглавные буквы, то получится слово «АИСТ» — Александр Иванович Степнов. Игорь родился позже, в цивилизованных условиях, в Оренбурге. Так что ты у нас появился благодаря заботе белого аиста. У него тоже благополучно вывелось потомство. Я ходил на болото, ловил лягушек для них и подкармливал. Можно сказать, сроднились мы с ними. Потом они улетели. Мы уехали на новое место службы, в Оренбург. Больше с аистами никогда не встречались. Так что мы тебе всегда правду говорили: кого как, а тебя аист принес. Есть такая сказка. Когда-то очень давно был аист человеком. Вызвал его к себе Господь Бог, дал ему мешок с гадами. Приказал отнести этот мешок на вершину горы и там оставить. Взял человек мешок и пошел выполнять. Пока шел, обуяло его любопытство: что в этом мешке? Не выдержал, открыл. Тут гады и кинулись врассыпную, расползлись по всей земле. Как человек ни пытался, поймать их не смог. Разгневался Бог и превратил человека в аиста. При этом сказав, что весь отмеренный ему век он будет очищать землю от гадов. Если он справится с этой задачей,

то станет вновь человеком. Если нет, то дети продолжат. Оттого и маются аисты, ходят по лугам, болотам, ловят змей, лягушек, да никак завет Бога выполнить не могут. Носы у них от стыда покраснели, дело делается, а конца не видно. Видно, скучают аисты по людям, вспоминают с тоской глупость предка, потому и живут вблизи людей. На добро всегда добром ответят и своей помощью. Если же обидят или разозлят, спуску тоже не даст. Оттого и приметы различные есть при встрече аиста — и на сытость, и на благополучие, и на богатство, и на убыток, а также на здоровье.

2.

Почему именно сейчас память из своей глубины вытащила мне эти воспоминания? Память избирательна. Я не раз на это обращал внимание. Раз она вытащила из своих закромов именно этот эпизод, значит, от него и надо танцевать. Кто-то сказал, что интуиция — это работа мозга для собственного спасения.

Еще раз вспомнилось про аистов совсем при других обстоятельствах.

Профессионалы всегда мастера в чем-то определенном. Этих готовили в Пакистане. «Черные аисты» — так их звали потому, что они несут смерть. Они умеют маскироваться. Уходить из сектора обстрела. Стрелять оттуда, откуда их не ждут. Уверяют, что их готовили по какой-то новой научной программе. Им выдали специальную одежду, которая так прячет тело, что глазу не видно. Опознать можно только по черной чалме. Якобы специальные подразделения готовят им лёжки. У них есть бесшумные летательные аппараты, поэтому они появляются ниоткуда и уходят в никуда.

Думаем. В Евразии живут два вида аистов — белый и черный. Белый известен всем, он селится вблизи от людей. Принимает заботу людей и ценит их внимание. Черный аист до крайности осторожен. Встреч с людьми всячески избегает. Поселяется в малодоступных лесах. Даже вблизи друг от друга черные аисты селятся редко. Белые аисты могут селиться рядом. Черный аист распространен как в Европе, так и в Азии, но встречается очень

редко. Белые и черные аисты зимуют в Африке. Передвигаются туда парящим полетом. Повадки двух разных братьев очень похожи. Вот что подсказывала память.

Снайперы из «черных аистов» хорошо знали классику снайперской школы, отсюда и надо плясать. Итак, лучшая активная защита от вражеского снайпера — тренированный снайпер. Не зря ходят легенды о мистической неуловимости и неуязвимости «черных аистов». Дальше — снайпер должен быть квалифицированным стрелком со специальным оружием. Должен быть хорошо натренирован в боевых навыках отдельного солдата. Наиболее результативный прием — это длительная дневная засада. Значит, прежде всего надо внимательно изучить местность, вникнуть в мельчайшие подробности и сделать выводы. Учесть быструю и точную стрельбу с быстрой сменой позиции и их пулеметные точки — это прикрытие. Учесть, где есть только дневные снайперы, где ночные, а где смешанные. Еще — их запасные лёжки. Как бы они ни хотели доказать, что неуязвимы, все равно попадутся.

Один из моих преподавателей говорил: «Уроки не должны проходить зря. Если они проходят зря, то одно из двух: непригоден или ты, или преподаватель. Каждое ваше задание — это лабиринт. Лабиринт ваш и противника. В этих лабиринтах вы должны сыграть свои партии, которые и выявят мастера».

Через какое-то время «черного аиста» не спасла черная чалма. К сожалению, он был не один. В горах оставались еще их гнезда, а это значило, что кропотливая работа требовала полной отдачи сил и ума.

Змей

Сейчас здесь стоят дома. Раньше, в его юности, на этом месте был пустырь. Сюда он принес тайно сделанного воздушного змея. На его спине было написано: «Ира! Я люблю тебя!». Он спрятал его в траве и ушел. А потом несколько дней волновался за своего змея. Боялся, чтобы его не сломали.

Наконец под каким-то предлогом он вытащил на этот пустырь Ирину. Достал своего воздушного змея. Неожиданно Ирина пришла в полный восторг. Змей и правда был красив. Да еще с такой надписью.

— Сейчас я свою любовь буду запускать в небо. Пускай она узнает счастье полета, прелесть высоты и красоту восторга. Это моя любовь к тебе, — сказал он.

— Подожди. Я хочу, чтобы моя любовь была с твоей любовью.

Она подошла к змею и на его спине написала пальцем, проговаривая вслух: «Игорь! Я тоже очень тебя люблю!».

— Мою любовь хотя и нельзя прочитать, но я писала признание теплом своего сердца.

Потом он пытался поднять своего воздушного змея в небо, а он упрямился и никак не хотел взлетать. Она, смеясь, кричала ему, что хвастовство всегда только отягощает любовь, а не придает ей легкость: яркий пример перед глазами!

Наконец змей взмыл вверх. Взмыл так высоко, что превратился в маленькую картонку. Бечевка в руках закончилась. Игорь отпустил конец бечевки. Змей летел к облакам.

— Мы с тобой отпустили любовь? Или подняли до небес? — спросила она.

Он ничего не успел ответить. Блеснула молния и попала в его змея. Змей моментально вспыхнул.

— Вот тебе и ответ, — сказал он. — Нашу любовь забрало небо. Она теперь будет вечно жить в облаках.

Хлынул ливень. Да такой, будто природа решила создать озеро на этом пустыре. Пока они добежали до ближней копны сена, вымокли до нитки. Они были не просто мокрые, а как будто искупались в одежде в речке. Сделав нору в стогу сена, они нырнули туда.

— Никогда не думала, что так запросто попаду на необитаемый остров. Какой неожиданный сюрприз. Только у меня один вопрос: как мы будем добираться до дома?

— Если не вплавь, то пешком.

— Я надеюсь, больше сюрпризов не намечается? Я и так вся мокрая, замерзшая, вся в сене и на сене. Романтично, непредсказуемо... и дальше еще загадочней. Итак, что далее?

— Далее мой поцелуй и тебе сюрприз.

Поцеловав Ирину, он выскочил наружу, под дождь, и через мгновение вернулся с бутылкой вина и шоколадкой.

— Вот, приготовил, чтобы отметить запуск нашего змея. Правда, думал, что отмечать будем не в таких условиях. Не волнуйся, штопор есть, а стаканчики сделаем из бумаги.

— Вижу, ты готовился к обольщению и очарованию основательно. Всё это мне навеяло одну историю. Попала мышка в бочку с вином. Никак из нее выбраться не может, барахталась, барахталась, да и начала тонуть. Вдруг слышит, кот Вася идет. Она ему давай кричать: «Вася, буду твоя навеки, только спаси! Вася, не о чем жалеть не будешь. Вася, услаждать тебя буду, выполнять все твои желания». Вася прыгнул на край бочки и спас мышку. Положил ее рядом с бочкой и говорит: «Рассчитывайся». Она ему в ответ: «Вася, я все-таки женщина. Дай обсохнуть, прийти в себя, привести себя в порядок. Отвернись». Вася отвернулся. Мышка шмыг в норку, и нет ее. Вася ходит около норки и мурлычет: «Мышка, ты же обещала. Ты же мне говорила. Ты же меня

уговаривала». Мышка ему из норки: «Вася, чего только не наговорит и не наобещает пьяная женщина». Это я к тому, чтобы ты не ставил меня в затруднительное положение. Я и так приду домой вся мокрая, в сене, пьяная, грязная. Я понимаю, что карету нам не подадут. Да если еще и не девочкой, то наша любовь быстро спустится с облаков и превратится в кошмар.

— Почему в кошмар?

— Глупее вопроса ты не мог задать? Да всё потому, что осенью нам идти в десятый класс. Давай наливай свое вино, будем кутить в непредвиденных обстоятельствах. Правду говорят, что девчонки взрослеют быстрее своих ровесников.

На улице шел дождь. Они сидели в стогу сена, пили вино, целовались и смеялись. Что это было: наивность, глупость, счастье или любовь? А может, это было все сразу? Оттого они радостно смеялись, счастливо и сладко целовались и прижимались друг к другу всем телом, но не более того.

Дождь не думал кончаться. Он все лил и лил. Прежде чем выбраться из копны, она его спросила:

— Игорь, что такое техника поцелуя?

— Я откуда знаю? Я кроме как с тобой ни с кем по-настоящему и не целовался.

— Да. Кого я спросила?

— Ты откуда такие слова знаешь?

— Читать надо! А не маленьким мальчиком по пустырю бегать. Затащил девчонку в стог сена, запудрил ей мозги, довел до разрыва сердца, а толку никакого.

— Ты же сама просила.

— Игорь, чего не наговорит пьяная женщина! Притом в стогу сена, на свежем воздухе, один на один с молодым человекам, держа его в объятьях. Рассчитывая на безрассудный поступок с его стороны и свой тоже. Игорь, это и есть любовь! Это и надпись на спине воздушного змея. Это и сладкие поцелуи юности. Это и то, когда говорят «нельзя», но при большой любви можно. Я люблю тебя. Я люблю тебя очень сильно, до головокружения, до безумия, до ощущения тебя в своей душе. До понимания обожания тобой меня. До воздушности и чистоты счастья. Только

сегодня ты упустил свой шанс. У нас шансы — как спички в спичечных коробках: чиркнул — сгорел, а с пользой или без пользы, это твоя проблема. Мне сегодня перед родителями и собой отвечать за все свои поступки. За ночной приход домой. За пьяный, грязный, мокрый вид. За опухшие губы. За слезы на глазах. И, конечно, за свой истерический смех. Они будут ругать меня, а мне будет смешно. Ничего не было. Но я была сегодня с тобой счастлива. Счастлива этим запуском змея. Я счастлива этим дождем. Я счастлива этой копной сена. Я счастлива твоими поцелуями. Потому что этого у меня больше никогда не будет. Я поняла, что меня можно любить. Что меня можно боготворить. Что я должна быть умной. Этому сегодня непроизвольно научил меня ты. Еще я знаю, что этот сладкий момент юности останется во мне навсегда. Несмотря ни на какие потери.

Она не станет его женой. Жизнь, посовещавшись с судьбой и пошептавшись со счастьем, а еще прислушавшись к глупости, развела их дороги. У женщин всегда есть неисследованные точки соприкосновений, с которыми, невольно соприкасаясь, ты позволяешь открывать им в себе спрятанные резервы.

— В зависимости от своей цели и своего положения, женщины эмоциональней понимают, чего хотят для себя и от себя. Жизнь женщины полна чувств. Некоторые чувства надо преодолевать. Некоторые чувства надо развивать. Некоторые чувства надо воспитывать. Но всеми ими надо воздействовать на мужчин. Отчетливо понимая, что это всё ты вкладываешь, прежде всего, в его душу, в его разум, а код понимания надо читать по его поступкам и глазам. Помнить, что красота притяжения всегда относительна. Значит, относительность никогда не должна исчезать между вами, а с годами тем или иным способом укореняться. В Египте была женщина по имени Хатшепсут. Она была дочерью фараона. Затем стала жрицей-женой бога Амона. Затем женой фараона. В итоге она стала фараоном всего Египта. Чтобы ее признавали властителем, она, как фараон, носила платья и атрибуты мужчины. Яркий пример того, что женщина может стать земным богом. Главное — на что хватит у нее сил и как сложатся обстоятельства...»

Так или почти так Ирина однажды говорила на своей лекции. Он присутствовал на этой лекции. После она подошла к нему и сказала:

— Что бы, кому бы и про что я ни говорила, самый сладкий поцелуй моей юности был после запуска воздушного змея, в копне свежего сена. Сено опьяняюще пахло травами, а любовь опьяняюще дышала на эрогенные зоны моего тела.

— Я был мальчишкой, который всю жизнь расплачивается за свою ошибку.

— Не обращай внимания. Иногда моя душа капризничает, как малый ребенок, тем самым выводя из себя мозг. Подай ей время, где было самое сладкое мгновение юности. Напомни ей чувство чистой любви. Видно, на самом деле тот воздушный змей поднял на небо, забрал с собой то, что я до сих пор глупо ищу на земле. Или мы с тобой обменялись половинками наших сердец, когда любили и целовали друг друга. Мы не вернули эти половинки друг другу. Мы их вживили в свои вторые половины. Ты, как мужчина, это вынес и переносишь лучше и легче. Мое сердце переносит это острее и болезненней.

За окном осень непринужденно играла листьями, как жизнь играла днями. Я читал чужую тетрадь воспоминаний. Я понимал, что она на всю жизнь осталась милой, светлой ромашкой того пустыря. Ей так и не удалось подарить свою красоту, теплоту, заботу. А счастье порой — как солнышко: выйти выйдет, да светит не тому.

Не в сказке сказать

Бабье лето решило собираться в дорогу. Пора, ей-богу пора. Рябина уже плодами созрела. Свои именины отмечает. Просит всех желающих ягодок отведать. В этих ягодах она питательные вещества собирает. Значит, ей и поддерживать ослабленных и замученных немощью. Бабье лето вздохнуло, улыбнулось. Как ни крути, а всё-таки оно прекрасно. Одно слово: что с одной стороны, что с другой,— просто женщина. Женщина нежная, красивая, мягкая, веселая, в меру озорная, умеющая заманить и чарами наградить. Только всему срок — и кумовству, и сватовству. Раньше в эту пору и торговцы-коробейники свою торговлю заканчивали. Уйдет бабье лето, пойдут дожди. С полным коробом по лужам и грязи много не находишь. Веселы коробейники всегда были. Озорны речами, милы уговорами. Кричат: «Посмотри, хозяин, как товар хозяйке глаз ласкает. Как бусы хороши, всё для радости, всё для души». У крестьян урожай убран, что-то продано. Чего не побаловать неожиданно жену, детишек, стариков своих? Коробейники веселятся, в пояс кланяются, на дальнейшую трату уговаривают. Говорят, что им сам Прытка помогает. Прытка — это добрый дух удачи. Это значит, если купил, то одобрение самого Прытки получил. Вроде и денежку жалко, а с другой стороны — вдруг удача с тобой останется, надежда золотом одарит? Да и коробейник хорош, языком его рожь бы косить, всегда была бы прибыль. Купят. Обмоют. Пойдет коробей-

ник по дорогам матушки Руси дальше. Вот и бабьему лету пора уходить. В августе про слепой дождь вон как говорят: «Иди туда, где тебя просят, а он идет, где сено косят». Ему: «Иди туда, где тебя ждут, а он туда, где в поле жнут». Не надо, чтобы и про бабье лето такая молва пошла. Оно барыней пришло, барыней ему и уйти надо. И уходя, красиво поклониться и достойно от других поклоны в благодарность принять. Не кривляния обидные — мол, нам не угодила. А так, чтобы вслед сказали: «Почтение тебе, сударушка, благодати тебе за то, что нас посетила, радость нам дала, очарованием душу насытила, глазам красоту показала». Недаром говорят: «Кто запаслив, тот и счастлив. Ты нам свой запас красоты оставила. Эта красота сердце греть и будет». На Михайлов день хочешь не хочешь, а прихватит заморозком землю. Если не успеет бабье лето уйти, да еще подолом примерзнет, сраму не оберешься. Надо поклониться осени и уступить ей место...

Бабушка внимательно смотрит на меня: не уснул ли я? Нет, я не уснул.

— Бабушка, ты мне обещала страшную сказку. В этой сказке как-то всё не так.

— Рассказываю дальше. Собралось бабье лето и пошло вроде по короткой дороге, а приглядишься — по длинной. Вроде без поворотов, а оглянешься, так в ее поворотах запутаешься. Вроде широка дорога, а взглянешь под ноги, там и колея не твоя, не тобой проложена, не тобой хожена, а ты в ней стоишь. Мудро, мудро бабье лето. Знает оно, что все это для того, чтобы ты укрепился, силой налился, чтобы не сломался, сыром в масле катался. Ушло оно. За спиной новый день назревал. Этот день считался удачным для предсказаний, для гаданий, личных тайных дел. Не делай, если не смел. С утра начинали гонять Кумоху. Гоняли до обеда. Потом шли в баню, чтобы парком, веничком березовым или дубовым косточки прожарить да горячей водичкой тело пропарить. Свои земные грехи смыть и глупо не блудить. За Кумохой гонялись потому, что она родственница Лихорадки. За собой всегда водила Горе злосчастное, а все Хвори за ней сами шли. Любит будто бы Кумоха в чужие платья одеваться да в зер-

кала глядеться, а в эту пору в речную воду смотреться. Поэтому ее силой на проживание отправляли в лес на всю зиму. Если не получалось, звали в помощь домовых, она их очень боялась и уважала. Сразу уходила. Вечером садились за свои тайные дела. В это время бабье лето не одну версту отмеряло, с кем-то просто раскланивалось, с кем-то словом перебрасывалось, а с кем-то поговорить останавливалось. Дорога вроде прямая, а присмотришься — это изгибы выложились. С непривычки и устанешь. Прошлый год заночевала она на кладбище. Было это на ночь мученика Евпла. В полночь на всех могилах зажглись нерукотворные огни. Появились привидения. Вокруг все застонало, завыло, засвистело. Вдруг выскочил из непроглядной темноты белый конь и начал призывно ржать, будто зовя кого-то. Прислушается, оглянется вокруг и опять зовет. Бабье лето спросило привидение, которое стояло к ней ближе всех: мол, что это всё значит? Приведение помолчало-помолчало, а потом поведало, что в этих местах шла когда-то страшная битва. Шла она не один день и не одну ночь. От усталости уже руки оружие держать не могли. Колени сами сгибались. А вражья сила всё прибывала и прибывала. Вдруг появился всадник на белой лошади с криком: «Отцы, братья, от вас зависит, угонят ли ваших детушек и любимых ладушек в полон, чтобы там над ними измываться. Или разобьем мы врагов своих и оставим землю нашу нашим детям!» Поднялись все. С тех пор и пошла поговорка: «Безногие не могут ходить. Безрукие не могут держать оружие. Слепые не видят. Глухие не слышат. Зато безногие могут держать оружие. Безрукие могут идти вперед. Слепые могут сражаться. Глухие — видеть и подсказывать им». На поле боя ты прежде всего воин. Смяли они врага и погнали прочь. В пылу боя никто так и не рассмотрел этого всадника. Только видели, что упал он с коня. Конь долго не подпускал к нему никого. Простоял он всю ночь над всадником, и многие видели, как из его прекрасных карих глаз текли слезы. Утром ушел конь в болото и пропал там. Один раз в год, в день этой битвы, выходит он из болота, ищет своего хозяина. Приходят ему на помощь души мертвых воинов и благодарят — воина за битву, коня за преданность. Кто был

этот воин, никто так и не знает. Одни утверждают, что это был юноша. Другие молвят, это неведомый богатырь. Третьи и вовсе, что это была девушка. Одно ясно: на защиту своей Родины, земли родной, надо вставать всем. Помнить о том, что свой день не привяжешь за плетень. Что вкладываешь в того, кто подрастает, то он и вбирает.

Бабушка смотрит на меня.

Мне снятся воины и поле боя.

Содержание

Просто дорога 3
Портной 20
Фотография 27
Последняя встреча 32
Август 52
Мария 60
Прогулка 65
Капитанская дочка 70
Аист 80
Змей 86
Не в сказке сказать 91

Александр Викторович Гвозденко
Встречи

Редактор Вячеслав Моисеев
Корректор Людмила Моисеева
Верстка Леонида Маслова
Обложка Сергея Ячменёва

Допечатная подготовка:
Издательский центр МВГ,
e-mail: wgmoses@mail.ru,
тел. 8-902-365-41-99.

Подписано в печать 23.08.2021 г.
Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Универсальная Типография „Альфа Принт“»:
620049, Свердловская обл., г. Екатеринбург,
переулок Автоматики, дом № 2ж.

Тираж 200 экз. Заказ № 14348

ISBN 978-5-907502-08-6

Александр Викторович Гвозденко родился в 1954 году в городе Находка Приморского края. Окончил Оренбургское высшее зенитное ракетное командное училище, с 1972-го по 1995 год служил в армии. В 1992 году заочно окончил Оренбургский педагогический институт. Стихи и проза Александра Гвозденко публиковались в местной прессе, в альманахе «Башня» и журнале «Гостиный Дворъ». В 2008 году в серии «Автограф» Оренбургского регионального отделения Союза российских писателей вышла книга его рассказов «Поезд», в 2012-м — сборник прозы «Будем жить!». Живет в Оренбурге.